

Елена Кароль

Мое смертельное счастье

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Она – воровка и уже не раз преступала закон. Он – маршал и стоит на страже закона. Она – единственная наследница огненного трона демонов и самая выгодная партия на всем континенте. Он – проклятый, чей удел пожирание эмоций преступников и вечное одиночество.

Что может быть между ними общего? С первого взгляда ничего. И со второго вроде бы тоже... Но иногда всего лишь обычный дождь может стереть даже нерушимые границы.

Елена Кароль

Мое смертельное счастье

© Елена Кароль, 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Дождь...

Наверное, это был первый сильный дождь в этом году. Не морось, не накрапывание, а настоящий полноценный ливень.

Кто бы мог подумать...

А ведь еще час назад светило солнце и на небе не было ни облачка.

Минут пять посмотрев на то, как разверзлись небеса, я поняла, что не хочу стоять под козырьком, как все. Не хочу ждать. Не хочу надеяться на чудо.

Чудес не бывает.

Горькая тень улыбки всего на мгновение легла на губы, и я, сняв солнечные очки и убрав их в сумку, решительно шагнула под дождь, наплевав на то, что у меня не было зонта. Волосы промокли уже через минуту, превратившись в сосульки, с которых не капало, а лилось. Пиджак намок моментально, особенно плечи, и теперь вода медленно, но уверенно просачивалась под него. Я на мгновение задумалась о телефоне и бумагах: паспорте, блокноте и книге, лежащих в сумке, но лишь плотнее прижала ее к себе, чтобы вездесущий дождь не пробрался внутрь.

Хотя... Ерунда... Подумаешь, блокнот. И даже паспорт... Даже телефон. Это все ерунда. До дома – всего двадцать минут пешком, так что ничего не случится. Непоправимого точно не случится.

Я усмехнулась... Последние несколько недель я могла лишь усмехаться и пытаться изобразить улыбку. Получалось плохо. Только подумала и поняла, что снова плачу. Ерунда... Все равно дождь, никто не увидит. Да и рядом – никого...

Прикрыв глаза, потому что помнила дорогу наизусть, я пыталась отрешиться от боли. Получалось плохо, но я старалась. Мимо проехала машина, окатив меня грязной дождевой водой и забрызгав не только туфли, но и бежевую юбку. Даже не дернулась. Даже не усмехнулась, только снова открыла глаза. Подумаешь, юбка...

Меня снова начала охватывать апатия. Вязкая, гулкая, глухая... За свои недолгие двадцать три года я ни разу не задумывалась о том, что мы смертны. Мне всегда казалось, что родители будут жить вечно. Глупая...

Случай. Нелепый. Страшный.

И все.

И я больше не могу...

– Господи, почему?..

Наверное, этот вопрос задавали ему многие до меня. Но, как и многим, он мне не ответил. Ни тогда, ни сейчас.

Снова машина...

На этот раз мне не повезло еще больше, и меня окатили буквально с головы до ног.

Гадко... Замерла. Закрыла глаза. Выдохнула... И горько улыбнулась.

Реальность. Суровая реальность.

Мотнула головой и шагнула в сторону от края тротуара, подальше от проезжей части. Сама виновата.

– Девушка!

Я поняла, что обращаются ко мне, только тогда, когда мужчина торопливо подошел

ближе и попытался взять за руку.

– Деву...

– Не трогайте... – Мой голос был сиплым, а слова – невнятными, но мужчина понял их смысл и поморщился.

Да, голос у меня неприятный. Последние несколько недель.

– С вами все в порядке?

– Да. – Я старалась не смотреть на него и даже попыталась обойти, но он шагнул навстречу, и я прошептала: – Не надо.

– Я вас обрызгал. Извините. Вы далеко живете? Подвезти? У вас горе? Я могу...

– Нет. – В душе поднялась злоба. Неконтролируемая. Сокрушительная. Уничтожающая.

В первую очередь, опустошающая меня саму.

– Но, может...

– Уйди. С дороги. Не мешай.

Дождь, кажется, стал еще сильнее, но я с вызовом вздернула подбородок и, глядя прямо в темно-серые глаза незнакомца, процедила:

– Ты ничего не можешь. А теперь уйди.

– Я могу помочь. – Мужчина оказался занудным и упрямым. Одетым в дорогой костюм, серую рубашку и темно-синий галстук. А еще – высоким и широкоплечим. И он совершенно не обращал внимания ни на мой сиплый, неприятный голос, ни на мои красные уже несколько недель глаза.

– Чем?

– Многим. – Он был не только упрям, но еще и серьезен.

– Мне не надо многого...

– Я доведу. – Упрямо сжатые губы намекали на то, что этот «рыцарь» не отстанет, пока не оправдается хотя бы перед самим собой.

Что ж...

– Хорошо.

Посмотрела налево... Да, та самая машина, которая обрызгала меня второй раз. Очень дорогой внедорожник. Что ж, если ему не жалко обивку...

– Садитесь.

Несмотря на то что я ему нагрубилась, мужчина вел себя очень сдержанно, вежливо и даже открыл передо мной пассажирскую дверь, чтобы я села.

Села.

– Октябрьская, девять.

Закрывает глаза и обняла себя руками. Май... Всего лишь май. Коварный и изменчивый. Даже хорошо, что промокла насквозь, давно надо было заболеть. Не могу больше ходить на работу и смотреть на их сочувствующие лица. Лживые...

На самом деле до дома оставалось всего минут семь пешком – один светофор да два дома вглубь. Но раз ему надо совершить добрый поступок... Пусть хоть ему сегодня будет хорошо.

– Я вижу, вам плохо. Я могу помочь?

– Нет.

– И все-таки...

– Вы мне поможете, если замолчите.

Я не могла быть вежливой. Физически не могла. За эти три недели я поняла, что

ненавижу сочувствие. Оно убивало...

– Хорошо...

Он ответил недовольно, но замолчал.

Ровное и едва слышное урчание мотора убаюкивало и почему-то успокаивало. Было в нем нечто такое... умиротворяющее.

И лишь минут через семь я поняла, что мы слишком долго едем.

Резко распахнула глаза.

– Куда вы меня везете?

За окном была совсем иная улица, причем та, что вела за город. Мы ехали с такой скоростью, что дома буквально мелькали, сливаясь в одну серую дождливую полосу.

А он все не отвечал.

Лишь в зеркале заднего вида отражались его слегка прищуренные недовольные серые глаза.

Что ж...

– Хорошо, не говорите. Когда начнете убивать, пожалуйста, сделайте это быстро. Не люблю боль.

Сиплый шепот неприятно резанул слух, но Кирилл лишь сильнее поджал губы. Сама просила замолчать. А он уважает желание дамы.

Вот только, судя по тому, что дама закрыла глаза, в которых едва ли теплилась жизнь, она не приукрашивала. Она действительно была на грани, когда уже плевать на то, что будет, потому что хуже уже быть не может. С этой мыслью в памяти всколыхнулись не самые приятные воспоминания, и он горько усмехнулся.

Хуже быть может. Причем настолько, что даже представить невозможно... Это возможно лишь пережить самому.

Мы приехали.

Куда-то точно приехали. Наверное, я впала в транс, а может, просто уснула, но очнулась я рывком, причем именно тогда, когда машина остановилась и незнакомец заглушил мотор. Мы были внутри какого-то помещения... маленького помещения.

Хватило всего пары секунд, чтобы понять – мы в гараже.

Еще через секунду он вышел из машины и открыл мне дверь, терпеливо дожидаясь, пока я выйду.

Что ж...

– Где мы?

И снова молчание и почему-то недовольный взгляд.

Нахмурившись, потому что не понимала его поведения, я повысила голос, который от этого стал еще ниже и неприятнее:

– Почему вы не отвечаете? Ответьте!

– Как пожелаете... – наконец открыв рот, незнакомец усмехнулся уголками губ. – Мы у меня дома. Вам необходимо переодеться в сухое.

– Я хочу домой.

– После. Сначала вы переоденетесь в сухое.

Какой бред...

Мужчина не производил впечатления больного или маньяка, но мне все равно стало не по себе. Что за ненормальная навязчивость? Что за ненормальный Робин Гуд, помогающий мокрым библиотечным крысам?

– Зачем вы это делаете? – Я все-таки вышла из машины, но он не стал отвечать, вместо этого перехватив меня за локоть и направившись к боковым дверям. – Кто вы вообще такой?!

– Кирилл. Кирилл Саминов.

Мой бог...

Я запнулась на ровном месте, но не упала, он не позволил.

– Я. Хочу. Домой.

За эти три недели было выпито столько успокоительного, что сейчас я с трудом, но удержала себя в руках. Дернулась... Но меня никто не отпустил, и моим словам никто не внял.

– Обязательно. После.

– Нет. Я никуда не пойду.

– Анна...

То, что он знал, как меня зовут, почти не стало для меня новостью.

– Нет!

Я никогда не видела его лично. И, если честно, надеялась, что никогда не увижу. Я знала лишь, что он высок, сероглаз и темноволос.

Но я бы никогда не подумала, что он может просто взять и увезти меня к себе...

Меня. Зачем? Неужели?.. Неужели он в курсе?..

– Анна, я ведь могу заставить. Вы знаете.

В его серых глазах промелькнула усмешка, когда я снова безуспешно дернулась.

– Пожалуйста, не делайте себе хуже. Я ведь просто хотел помочь...

– Отпустите мою руку. – Я уже не сипела – я шептала.

Понимала, что сама подписала себе приговор, когда села в его машину, но...

Но когда он отпустил и сделал шаг вправо, а затем открыл дверь и махнул в сторону коридора рукой, я поняла, что он знал. Он все знал уже тогда, когда предлагал подвезти. Знал, что у меня никого нет. Что меня не хватятся. Что за меня никто не вступится. Он знал, что я не так чиста перед законом, как думали большинство окружающих.

Неужели он знал абсолютно все?

– Еще нет, но вы можете рассказать мне сами...

Я шла впереди, причем сама, а он – на шаг позади, но его тихие слова я слышала так хорошо, словно он сказал их мне на ухо. Чертов эмпат... Выходит, я сама подписала себе вышку?

Длинный коридор оканчивался большим холлом с лестницей, ведущей наверх. Ну и куда? Прямо, налево, наверх?

– Наверх. Второй этаж, налево, вторая комната. Это гостевая. В ванной есть полотенца. Сухую одежду принесут.

Он больше не скрывал ни своего статуса, ни своих способностей, ни того, что я обязана подчиняться его словам как приказам.

А как иначе, если с тобой разговаривает сам маршал?

– Анна, мне очень жаль, что ваши родители погибли. Поверьте...

– Ни слова!

Плевать, что маршал. Я ненавижу сочувствие в любом виде. Даже от того, кто царь и бог этой местности.

– Вам наверх.

Серые глаза потемнели еще больше и стали почти черными, но я видела и не такое – не испугалась. Лишь выпрямилась, как струна, кивнула и ушла наверх.

Наверху, на втором этаже «того самого» дома, которого боялись все, кто был так или иначе связан с миром *иных*, я без труда нашла вторую дверь.

Не поняла. Это гостевая? Странно... Комната поражала своими размерами и оформлением. Куда ни глянь – то настоящий персидский ковер известных мастеров (уж я-то в этом разбиралась!), то дизайнерская резная мебель, то картины, которые даже на черном рынке невозможно продать, потому что они все – в неприкосновенном списке.

Если это гостевая, то какова хозяйская?!

Хотя... Мне это неинтересно.

Ванную я нашла сразу, но туда не пошла, а прошла в спальню (о ее шикарном содержимом умолчу, это было выше моего понимания).

Поймав свой взгляд в большом зеркале на полстены, я тускло улыбнулась. На меня смотрела мокрая, грязная, безликая бывшая сирена. Улыбка превратилась в гротескный оскал, и я отвернулась. Не могу. Не хочу! Я слишком похожа на маму... И лишь багровые глаза – папины. Багровые, с полопавшимися сосудами, пугающие всех без исключения, когда я снимала солнечные очки, которые носила последние три недели.

В огромную ванну из черного мрамора хлынула обжигающе горячая вода, грязные и насквозь мокрые вещи полетели на пол одна за другой. Налив в воду самых разных пен и насыпав многочисленных солей, спустя минут пять я легла в мини-бассейн, не став дожидаться, пока вода наберется до верха.

Я никогда не любила воду, предпочитая сокращать контакт с ней до минимума, но три недели назад во мне что-то перегорело. Сломалось. Засбоило. Поменялось полюсами. Заледенело.

Сирена, которая могла очаровать собеседника в секунды, потеряла голос и теперь могла либо шептать, либо сипеть. Демоница, когда-то умеющая вызывать огонь на кончиках пальцев, теперь предпочитала каждый вечер принимать душ, смывая безысходность и боль одиночества водой.

Анналиррия, чьи родители погибли в авиакатастрофе, стала просто Аней. Девушкой без способностей. Девушкой, не имеющей смысла жизни. Девушкой без будущего.

Зачем он привез меня к себе и теперь требует, чтобы я привела себя в порядок? Почему не убить сразу?

– Да. Нет. Да, я обяза...

Прошло от силы десять минут, когда дверь ванной комнаты открылась, и в нее вошел разговаривающий по телефону Кирилл, уже успевший снять пиджак и на ходу развязывающий галстук.

Увидел меня... Замер.

– Я перезвоню.

Сбросил вызов, наклонил голову набок...

– Анна?

– Да?

Я тоже не совсем понимала, причем в первую очередь – его реакцию. Он вел себя так, словно не ожидал меня здесь увидеть. Слава всем богам, вода с обильной пеной была мне уже по грудь, скрывая все то, что положено скрывать от посторонних глаз.

– Это моя ванна.

– Но...

Его тихое заявление обескуражило. Не может быть!

– Да, это мои комнаты. Анна, я сказал – вторая дверь налево.

О мой бог...

– Простите...

Впервые за много лет мне стало стыдно. Стыдно, потому что я вошла во вторую дверь, но справа.

Он ничего не ответил. Постоял еще несколько секунд, задумчиво рассматривая мое пылающее лицо, затем осуждающе качнул головой и вышел, уже в дверях тихо добавив:

– Служанка принесет сухие вещи сюда, не торопитесь. Я буду внизу.

В голове билась лишь одна мысль: позор. Почему я пошла направо? Почему не так, как сказал он? Что за чертовщина?! Взгляд сумасшедшей белкой метался по комнате, не в силах остановиться на деталях. Вот почему тут все так дорого... Вот почему тут все так изысканно... Мой бог...

Не знаю, сколько времени я так просидела. Лишь шорох закрывающейся двери вывел меня из оцепенения, но все, что я успела увидеть, – это лежащую на стульчике одежду. Кажется, длинный махровый халат и несколько полотенец... Только вот я не могла заставить себя завершить водные процедуры и выйти к нему.

Когда вода начала остывать, я наконец убедила себя, что он все поймет и без моих оправданий. Он ведь эмпат. Он поймет, что я не специально. Надеюсь...

Но почему халат? Быстро вымывшись, я торопливо вылезла из ванной и тут же

убедилась в своих предположениях. Да, именно халат. Хмуро осмотрев пол, констатировала – мою одежду и сумку унесли. Все, вплоть до нижнего белья, причем нового не выдали. Глупо как-то... Зачем ему мое тело, если он питается лишь эмоциями? Или слухи лгут, и телом он тоже не брезгует? Зачем тогда сейчас вышел из ванной?

Вопросы плодились с бешеной скоростью, пока я одевалась, их стало столько, что разум предпочел абстрагироваться и просто выбросить все из головы. Мне было уже все равно.

Из ванной я вышла, полная решимости закончить все сегодня. Он был прав – он может мне помочь. Он может выпить мои эмоции. Он может сделать так, что я перестану рыдать каждый вечер и ненавидеть мир каждое утро. Он может... Может убить меня быстро.

– Анна, вы меня неправильно поняли.

Наверное, я слишком громко думала, потому что внизу меня встретили чрезвычайно недовольным взглядом. Кирилл стоял у подножия лестницы, словно специально ждал. Уже успел переодеться в сухое: светло-серые брюки и чуть более светлого оттенка рубашку, рукава которой были закатаны до локтя. Волосы он не сушил, и теперь они вились темными, влажными кольцами, отчего хозяин дома сейчас был похож на испанца.

– Ждал.

Как же это неприятно, когда твои мысли не только твои...

– В мире есть вещи куда более неприятные.

Судя по тому, что он отвечал на мои мысли, он больше не собирался щадить мои чувства, и сейчас разговор пойдет о таких вещах, после которых все это покажется сущей ерундой.

– Вы правы.

Как мило...

– Пройдемте.

Мужская ладонь галантно указала на дверь, расположенную чуть дальше по коридору. Я прошла в комнату. Как оказалось, это был кабинет. Странно... Он делает «это» в кабинете?

– Нет, Анна. В кабинете я решаю рабочие вопросы.

Интересно, если я подумаю о нем плохо... в смысле, совсем нецензурно...

– Я не удивлюсь.

Кирилл скривил губы в ироничной усмешке и прошел за большой рабочий стол из черного дерева. Сел, вальяжно откинулся на спинку кресла, переплел руки на груди и начал меня рассматривать так, словно впервые увидел.

– Анна, вы не поверите, но я действительно вижу вас впервые. Мало того, я очень удивлен. Признаюсь честно: я просто хотел помочь той, в чьих глазах было слишком много дождя. Теперь же... Вы чересчур громко думаете. Садитесь.

Демон говорил тихо, но так уверенно, что я потрясенно открыла рот и послушно села в кресло, на которое мне указали ладонью. То есть я?..

Это шутка?!

– Нет, Анна. Это не шутка. Скажем так – это нелепая случайность. Вы не нужны мне в качестве закуски. Я «ел» меньше недели назад и ближайшие три недели не нуждаюсь в подобных «деликатесах». Кстати, попытайтесь вернуть защитный блок на место, вы думаете так громко, что мне неприятно.

– Я не могу... – прошептала я. Мозг отказывался думать и анализировать.

Я в логове монстра только потому, что он пожалел ту, кого обрызгал...

– Анна, я не монстр. – Серые глаза снова недовольно потемнели, а губы на мгновение

поджались. – Если уж на то пошло, то вы монстр больший, чем я. Я хоть чистокровный...

Спасибо за напоминание. Криво усмехнувшись, я попыталась взять себя в руки. Ладно. Меня не выпьют досуха. По крайней мере сейчас. Тогда зачем я здесь? Не став задавать вопрос вслух, потому что это было бессмысленно, я чуть наклонила голову набок. Так зачем? Мне ответят?

– Возможно... Вам никто не говорил, что у вас очень красивые глаза?

Бред...

– Совсем нет. Цвет спелой вишни... Аристократический, королевский цвет. Вы знали, кем был ваш отец?

– Да.

Так вот оно что...

– Нет, Анна, вы ошибаетесь.

Но...

Я уже ничего не понимала, а потому задала вопрос вслух:

– Кирилл, что вам от меня надо?

– Ваше счастье.

– Что? – Мне показалось, что я ослышалась. Что за бред? Пожиратель – и счастье?

– Почему нет?

– Нелепо... Зачем вам мое счастье? – От непонимания я начала хмуриться, неприятно кольнуло в виске. Черт... Мигрень. Как не вовремя...

– Скажем так – оно мне необходимо потому, что я так решил.

– Бред...

– Возможно. – На его губах обозначилась странная, какая-то угрожающая улыбка. – Если вам так будет легче, то можете думать, что я буду добиваться вашего счастья для того, чтобы его съесть.

– Но... но зачем? Не понимаю. – Я правда не понимала.

Это было глупо. Можно пойти в любой клуб и найти там тонну счастья. Зачем возвращать его в той, кто не хочет жить, но слишком труслив, чтобы совершить самоубийство?

– Затем, что это будет моим развлечением и одновременно вашим наказанием. Я ведь монстр... – Пожиратель снова неприятно усмехнулся и кивнул на дверь. – А теперь идите. Второй этаж. – Многозначительный прищур и ехидное дополнение: – Налево.

Ах так? Что ж... В душе всколыхнулся такой сильный протест от подобного обращения, что из кабинета я вылетела, едва не снеся с дороги служанку. Значит, деликатес. Значит, развлечение. Значит, изысканный десерт... Слышала я о нем нечто подобное, но не верила. Видимо, зря.

Замерев на площадке второго этажа, я поняла, что первый раз за эти недели испытываю что-то, отличное от тоски, горя и раздражения. Возмущение. Яркое, незамутненное. Да как он посмел?! Да что он о себе возомнил?! А вот не пойду я налево! Мне направо ходить понравилось!

Решительно шагнув направо, я вошла в хозяйские покои, но моего глупого порыва хватило лишь до дверей спальни. Что я делаю? Замерев в дверях и заторможенно рассматривая большую комнату с огромной кроватью, я понимала, что совершила глупость и теперь прежде всего в своих глазах выгляжу идиоткой, но вернуться и пойти туда, куда сказали, не могла. Просто застыла, как физически, так и мысленно.

– Анна, у вас странные понятия о направлениях.

Когда позади раздался чуть недовольный, но при этом насмешливый голос хозяина покоев, я даже не вздрогнула. Лишь нервно дернула плечом.

– То есть вы настаиваете? – Мужчина шагнул ближе.

– Да.

– И вы думаете, что можете заинтересовать меня своей пустотой? – Кирилл подошел еще ближе и оперся плечом о дверной косяк, нависнув надо мной. Рост у него был не меньше двух метров, тогда как у меня – чуть меньше метра семидесяти. – Анна, думаю, я не удивлю вас, если скажу, что вы не просто пресная – вы протухшая. Вы мне неинтересны. Сейчас неинтересны...

С этими словами его взгляд стал таким многозначительным, что меня передернуло. Какой бред. Зачем? Зачем говорить жертве, что она станет жертвой? Причем не сейчас, а потом. Потом, когда перестанет болеть...

– Почему нет? – Кирилл склонился ниже, и мне некуда было деться, поэтому пришлось лишь поджать губы. – Анна, не бойтесь. Вы ведь хотели умереть? Обещаю, вы умрете. Просто чуть позже. Но сначала вы станете счастливой. Смерть от счастья – это здорово, поверьте.

Как дико...

– Я могу уехать домой?

– Нет.

Логично, но спросить я была должна.

– Сколько у меня времени?

– Вы будете жить здесь до тех пор, пока не станете счастливой и я не решу, что настало время расплаты за ваши прегрешения.

Нереально...

– Реально, Анна. Очень реально. А теперь идите. К себе. Налево.

Бред...

Бледная. Худая. Потерянная. Одинокая. Почему он решил поступить именно так? Сам не знает... Зачем сказал так двусмысленно? Наверное, затем, чтобы попробовать вернуть ее к жизни.

Жалость? Да, скорее всего. Ему не чужды подобные эмоции. Мало кто знал, а еще меньше кто верил, но он не монстр. Он просто делает свою работу. Ну и что, что сейчас он решил помочь, не сказав всей правды? Это его обязанность – помогать обществу и реанимировать тех, кто в этом нуждается. А уж какими методами, он решает сам. Это его право. В любом случае эта девочка еще не заработала себе на смертную казнь, но вот на кое-какое наказание – несомненно.

На этот раз я действительно отправилась в комнату слева и, как только открыла дверь, сразу поняла – это гостевая. Обстановка отличалась разительно – всего одна комната, без гостиной, без дорожных картин, без бесценных статуэток. Кровать большая, но не королевских размеров. Ковер мягкий, но не такой шикарный, как у хозяина дома. Мебель качественная, но без тех изысков, которые были в соседних комнатах.

Стильно, дорого, но без кичливости и перебора.

Он мог себе это позволить...

Усмехнувшись своим мыслям, я прошла в комнату, плотно закрыла за собой дверь и отметила, что изнутри на ручке есть блокиратор. Тут же повернула и убедилась, что замок и вправду работает. Хотя глупо радоваться крохотному замочку, ведь открыть его проще простого, в крайнем случае, можно без особого труда выломать дверь.

Какие-то у меня странные мысли.

Мотнув головой, открыла замок и отправилась изучать свое временное пристанище. Я не тешила себя глупыми надеждами и мечтами. Кирилл, насколько я знаю, никогда не бросал слов на ветер, и я уверена, что совсем скоро он сделает все, чтобы я стала счастливой, а затем выпьет мои эмоции так, как некоторые пьют коллекционный коньяк. Смакуя по капле, перекаывая янтарную жидкость на языке и, наконец, улыбаясь, когда бесценный напиток приносит желаемый эффект.

Демоны, пожирающие эмоции, очень редки в нашем мире, а демоны такой силы, как Кирилл, так и вовсе уникальны. И страшны они тем, что питаться им необходимо регулярно, иначе они становятся опасны для окружающих. Он эмпат и телепат одновременно. Считывает даже те мысли, что скрыты глубоко в подсознании. Судья и палач в одном лице.

С существованием этих демонов все давно смирились, потому что уничтожить пожирателя эмоций почти невозможно. Общество поступило умнее – оно предоставило этим демонам возможность вершить суд и питаться теми, кто так или иначе преступил закон. Теперь они маршалы. Правосудие в последней инстанции.

Мозг же самих пожирателей был устроен таким образом, что сами они почти никогда не совершали правонарушений, их это просто не интересовало. С малых лет они воспитывались с убеждением, что необходимо чтить и исполнять букву закона. К моменту, когда пожиратель морально и физически оказывался готов стать судьей, его тестировали свои же родичи, и лишь тогда, когда получали стопроцентные доказательства, что демон будет идеальным законником, давали ему пожизненное звание маршала.

И тогда у региона появлялся свой пожиратель.

Отстраненно перебирая в памяти все, что когда-либо слышала или читала о маршалах сама, я подошла к окну. Дождь... Скользнув взглядом по огромным распашным створкам, отметила, что в гостевой комнате есть балкон, и недолго думая открыла дверь, шагнув наружу. Балкончик был крохотным, но мне места хватило. Прикрыв глаза и подставив ливню лицо, я со странным наслаждением ловила каждую каплю дождя. Кожей, волосами, губами...

Я снова намокла, причем практически сразу, но не обращала на озноб никакого внимания. Папа подарил мне крепкое здоровье, чтобы я могла переживать о подобной мелочи, как майский ливень.

Монстр... Он назвал меня монстром. А ведь верно. Дочь сирены и огненного демона из правящей ветви. Демона, который отрекся от семьи, чтобы уйти с любимой. Его родственники были категорически против, но отец слишком любил мать. Он наплевал на титулы, он порвал со всеми, кто пытался ему препятствовать, даже имя сменил вместе с континентом и никогда ни о чем не жалел.

Соленый дождь стекал по моим щекам, а я улыбалась, вспоминая его наставления.

«Никогда не слушай общество, Лирри. Оно слишком заиклено на соблюдении искусственных правил, которые само же и придумало, чтобы себя же и ограничить. Живи сердцем, милая. Оно у тебя горячее... но благородное».

Горячее... Обхватив себя руками, я горько улыбнулась. Оно и правда когда-то было горячим. Теперь же оно остыло и больше не хочет биться.

Монстр, рожденный двумя чистокровными представителями иного мира. Монстр, воплотивший в себе гены обоих родителей и сочетающий их невообразимым способом. Монстр, имеющий три ипостаси и успешно этим пользующийся как на работе, так и вне ее. Как для благих дел, так и для не слишком законных. Монстр, потерявший все свои возможности в одночасье. Я преступала закон, и не раз, но никогда не думала, что наказание будет таким... убийственным.

– Ты решила умереть от пневмонии?

Недовольный голос Кирилла раздался слишком неожиданно и слишком близко, так что я вздрогнула.

Но не обернулась.

– Анна, зайди в комнату.

«Хм... А то что?»

Глупое, детское упрямство решило явить себя во всей красе, и я отрицательно мотнула головой, так и не обернувшись.

– А мне ты показалась более умной... – Он передвигался бесшумно, и поэтому, когда его слова прозвучали прямо в ухо, я снова вздрогнула и попыталась отшатнуться, но его руки не позволили мне отстраниться – схватили за плечи и прижали меня к его груди. – Значит, ты решила выяснить величину моего терпения? Зря. Мое терпение не безгранично. И если ты и дальше будешь относиться к своему здоровью подобным образом, то я введу ограничения на перемещение.

– Отпусти.

Он первым перешел на «ты» (ну, если не считать нашего знакомства), поэтому я не видела смысла больше выкать своему будущему убийце.

– Обязательно. Но не здесь. – Без особого труда заведя обратно в комнату, демон развернул меня к себе лицом и недовольно нахмурился – я снова была абсолютно мокрой. – Я зашел позвать на ужин, но теперь вижу, что тебя вообще нельзя оставлять одну. Что ж...

Молчание затягивалось. Он не прекращал меня рассматривать, как не торопился и убирать руки с моих плеч.

Балконную дверь он так и не закрыл, и теперь вечерний ветер неприятно холодил босые ноги и забирался под халат, отчего по телу бегали мурашки.

Наконец он заговорил:

– Объясняю нехитрую истину – совершив преступление и попав в этот дом, ты стала моей собственностью. Таковы законы, и ты их знаешь. А я привык, чтобы моя собственность находилась в идеальном состоянии. Понимаешь?

«Не совсем...»

– Хорошо, скажу иначе. Сейчас ты вредишь самой себе. И раз уж моей целью является твое счастье, значит, я лично возьму под контроль все твои действия.

Он сказал это так, словно я должна была понять. Но я все равно не поняла. Служанку ко мне приставит, что ли? Или тюремщика?

– Хуже, Анна. Намного хуже. – На его губах обозначилась трудноопределимая усмешка. Он взялся пальцами за пояс халата и начал развязывать узел. – Я буду контролировать тебя лично.

– Но...

И все равно я ничего не понимала. Лично? Что это значит? Как именно «лично»? Будет следить за каждым моим шагом? За каждым моим действием? За каждым моим вздохом?

– Верно. Все верно. Я буду рядом даже в моменты, когда ты будешь принимать душ. Я буду рядом даже ночью. Я буду рядом всегда.

– Но это глупо! – Дернувшись, когда пояс поддался и полы халата начали расходиться, я попыталась вырваться, но он держал крепко.

Мало того – одной рукой держал, а второй раздевал.

– Прекрати!

Вместо ответа он усмехнулся и снял с меня халат, в итоге уже через несколько секунд я стояла перед ним полностью голая.

– Кирилл!!!

– Не кричи. У меня прекрасный слух. Анна, мне не нужно твое тело. Поверь, видел и получше. Мне всего лишь необходимо твое счастье.

– Счастье? Вот так?! – Многочисленные эмоции накатывали одна за другой, и я уже не вырывалась – я стояла и гневно сжимала кулаки.

Ярость, злоба, раздражение, ненависть. А вот страха не было.

– Почему нет? Пути могут быть разными, главное – результат. И поверь, я всегда добиваюсь результата. – Его взгляд бесстыже скользнул по моей обнаженной коже, исследуя каждый ее миллиметр. – Кстати, забавные татуировки... так ты из рода воздушных сирен? Необычно... Девичья фамилия твоей матери случайно не Пейсино?

«Откуда...»

– Ладно, одевайся.

Неожиданно отступив на шаг назад, еще через секунду он сел в кресло, кивнув мне в сторону кровати. Там лежала одежда, видимо, принесенная служанкой.

– Выйди.

– Нет, Анна, я не выйду.

Это было унижительно. Это было так унижительно, что я не нашлась, что сказать. Посмотрела на одежду, на него, а затем на дверь ванной. Мне вдруг показалось, что я нашла решение. Если он не хочет выйти, то я сама могу уйти. Хотя бы в ванну.

– Нет.

Чертов телепат!

А вот останови!

Не слишком рассматривая, что конкретно беру, я подхватила все, что было на кровати, и успела сделать всего шаг, но Кирилл успел подойти к ванной первым, услужливо открыв ее дверь и встав на входе.

Причем так, что дверь я бы закрыть не смогла.

– Издеваешься?!

– Немного.

Быстрый и, судя по всему, честный ответ слегка обескуражил. Ничего не понимаю...

Что за глупые игры? Что за ненормальное поведение? Что за бред... Нет, это все бред.

Голова отказывалась соображать и анализировать. Мысли были одна глупее другой. Извращенец. Вуайерист. Больной. Просто ненормальный...

– Да, есть немного. Одевайся, ужин стынет.

Он беззастенчиво слушал мои мысли и, не стесняясь, комментировал все, что считал нужным. Я же, сделав пару шагов внутрь, замерла и не могла себя заставить начать одеваться. Я просто не верила, что это реальность. Дикая. Сумасшедшая. Всего два часа назад я была на работе, а сейчас нахожусь в доме больного маньяка, где пообещали сделать меня счастливой, чтобы в дальнейшем съест. Но какими методами?!

– Помочь?

Я снова стояла к нему спиной, поэтому шепот, вновь прозвучавший на ухо, едва меня не добил.

– Прекрати! – Я выронила вещи, дернулась, рывком обернулась и снова оказалась в его объятиях. На этот раз он ухватил меня за талию. – Ты больной! Нельзя добиться счастья так! Ты меня унижаешь! Ты меня злишь! Ты меня бесишь, в конце концов!

– Это хорошо. – Мужские губы изогнулись в ироничной улыбке, и, подавшись вперед, он заглянул в мои глаза так глубоко, словно пытался посмотреть прямо в душу. – Это очень хорошие эмоции, Анна. Сильные. Незамутненные. По-своему вкусные и определенно верные. И самое главное – ты не сказала, что я тебя пугаю, я тебя именно раздражаю... Как мило. Необычно. Уникально даже...

Его голос зазвучал тише и несколько интимнее. Серые глаза стали больше, а губы – ближе. Горячие руки жгли мою ледяную кожу словно два клейма. Почему-то бросило в дрожь... А он вдруг усмехнулся и тем же интимным шепотом спросил:

– Мне тебя одеть?

Что... Ах так?! Зло прищурившись, я выпалила:

– Да!

– Желание дамы – закон... – Усмешка его стала шире, а в глазах промелькнуло что-то такое, что меня испугало.

Действительно испугало. Он псих. Он точно псих!

– Я проходил медосвидетельствование буквально пару недель назад. Поверь, я абсолютно здоров.

Выпустив меня из рук, он наклонился и, перебрав лежащие на полу вещи, первыми взял трусики. Я никогда не считала себя ханжой, но сейчас краска стыда заливала мое лицо, шею и все тело.

– Ножку, пожалуйста...

Понимая, что необходимо подчиниться и закончить с этим как можно быстрее, я закусила губу, послушно подняла ногу, но едва не упала, и пришлось схватиться за первое попавшееся. За его плечи.

Позор... Какой позор.

Не став ничего комментировать, словно это было в порядке вещей, он абсолютно спокойно попросил:

– Вторую.

Затем начал поднимать руки выше и, наконец, надел на меня весьма неприличное нечто, которое, судя по всему, должно было заменить собой трусики. Никогда не любила красный.

– Тебе идет. Ты ведь наследница огненного рода.

Поджав губы от подобного неуместного напоминания, я старалась смотреть куда угодно, но не на него. Руки с его плеч я убрала сразу же, как только в этом отпала необходимость, а он все сидел на корточках и перебирал вещи.

– Так... да, это.

«Это» оказалось платьем. Нежно-розовым, шелковым, очень простого кроя – скорее, даже ночная рубашка, а не платье, но закрытая ночная рубашка. А может, просто такое домашнее платье?

Кусочек ткани доходил мне до середины бедра, лиф не скрывал того, что под ним нет бюстгалтера, беззастенчиво обрисовывая соски, и, если бы я уже не была пунцовой, то сейчас бы точно покраснела.

Старательно поправив бретельки, Кирилл остался абсолютно невозмутим, словно одевал не обнаженную девушку, а манекен. Затем он прошел вглубь ванной комнаты, достал с полки полотенце и накинул мне его на плечи, распределив мокрые волосы поверх.

– Идем, – одной рукой собрав не понадобившиеся вещи, Кирилл снова встал, второй рукой взял меня за запястье и потянул к двери. В спальне бросил одежду на кровать, затем подвел меня к комоду, рядом с которым стояли две пары обуви – розовые плюшевые тапочки и черные лакированные туфли на пятисантиметровом каблуке, и кивнул на тапочки: – Надевай.

Надела.

– Прошу... – Открыв дверь в коридор, он так и не выпустил моей руки и повел вниз.

Я не сопротивлялась. Я просто устала и решила закончить этот день как можно скорее. А это, похоже возможно лишь в том случае, если четко выполнять его приказы.

На первом этаже мы прошли по левому коридору, повернули и, наконец, вошли в комнату, где был накрыт стол на двоих.

Никогда не сидела за подобными столами. Необычно, непривычно, изысканно...

Послушно сев на место, к которому он меня подвел, я бездумным взглядом скользила по богато сервированному столу. Ваза с цветами, свечи, множество столовых приборов, незнакомые блюда...

Мы не были бедны, но и к богатым нас отнести было нельзя. Скорее, средний класс. Четырехкомнатная квартира улучшенной планировки в хорошем спальном районе в доме с консьержкой. Две машины. Ежегодный отдых за границей. Хорошая одежда, качественные продукты. Но никогда я не сидела за шикарным столом в частном двухэтажном доме в огромной комнате, которая была предназначена только для приема пищи.

– Покормить?

Недоуменно переведя взгляд на севшего напротив демона, я сначала нахмурилась, пытаюсь осмыслить заданный вопрос. Спустя пару секунд до меня дошел смысл, и я резко мотнула головой. Еще чего не хватало!

– Тогда ешь.

Спасибо...

Без особого желания наложив себе в тарелку каких-то деликатесов, я просто ела, не чувствуя вкуса. Вилка, нож, тарелка, блюдо... Цветок, свеча, еще одно блюдо... Безмолвная служанка в строгом коричневом платье и белом переднике... Кирилл.

– Поела?

Кажется, вопрос был задан уже не первый раз, по крайней мере, на это намекал его тон. Посмотрела в свою пустую тарелку, чуть подумала, а затем кивнула:

– Да.

– Чай, кофе, сок?

– Чай.

– Люси, два чая в мой кабинет.

– Хорошо. – Поклонившись, немолодая женщина торопливо вышла.

Демон же, вытерев губы салфеткой, встал и махнул мне рукой.

– Идем, мне еще необходимо поработать.

А при чем тут я? Не став задавать вопрос вслух, чуть нахмурилась. Зачем он мне это говорит? Какая мне разница, чем он будет заниматься?

– Потому что все это время ты будешь рядом со мной.

«Глупость какая...»

– Необходимость. – Его губы дрогнули, словно он пытался скрыть улыбку, и, так как я не торопилась вставать, демон подошел ближе и взял меня за руку как маленькую. – Анна, не упрямясь. Поверь, я добиваюсь своего любыми способами. Хочешь узнать их все?

Сказано это было таким многозначительным тоном, что я поторопилась отрицательно мотнуть головой и встать.

– Нет.

– Хорошая девочка...

«Девочка. Хорошая. Слышал бы тебя папа...»

Пытаясь подавить в себе боль воспоминаний, я послушно плелась за ним. Мы действительно перешли в кабинет, где меня усадили в одно из глубоких, мягких кресел. Рядом со мной на низкий столик положили стопку книг, выбранных с ближайшего стеллажа. Еще через пять минут Люси принесла поднос с чашками, заварочным чайником, сахарницей, сливочником, ложечками и несколькими видами печенья.

Кирилл, взяв свою чашку, устроился за рабочим столом и, полностью потеряв ко мне всяческий интерес, углубился в чтение многочисленных бумаг, лежащих перед ним несколькими неравными стопками.

Ничего не понимаю. То есть теперь я должна быть рядом с ним везде-везде?

– Верно. А теперь постарайся думать потише, я работаю. Почитай что-нибудь. Ты ведь любишь читать? – не подняв взгляда от документа, он обратился ко мне настолько иным, сухим и деловым тоном, что я в очередной раз растерялась. – «Робинзон Крузо», «Джейн Эйр», «Двенадцать стульев», «Мастер и Маргарита»... Выбери что-нибудь, отвлекись. Я буду занят ближайšie два-три часа. Если хочешь что-то еще, посмотри сама, художественная литература – на ближайшем к тебе стеллаже. Все, я работаю.

Да-а-а...

Посидев минут пять в очередном ступоре, я признала, что он прав. Читать я любила, да и предложенная подборка была неплохой. Лирику, романтику и драму сейчас не стоит, а вот что-нибудь юмористическое... Да, пожалуй, «Двенадцать стульев» стоит перечитать. Классика жанра все-таки.

Отстраненно отметив ее выбор, он ничем не высказал своей иронии. Авантюристка. За этот вечер он прочел немало ее мыслей и воспоминаний, чтобы определиться с приговором.

Несомненно, она заработала наказание, но, на ее беду, не смертельное.

Да и нельзя просто так убить наследницу древнего огненного клана... пускай и слегка нечистокровную. А ведь буквально еще года два назад ее положение было иным. Он ежедневно просматривал как городские и региональные, так и мировые новости и знал, что за последние несколько лет резко уменьшилась численность именно этого клана. Семейные разборки... Огненные демоны всегда были чересчур вспыльчивы и не стеснялись в методах.

Позавчера умер (что удивительно – от старости) ее дед. Теперь она третья в списке на огненный трон и единственная женщина, пускай и с потухшими способностями. Но даже несмотря на это – невероятно выгодная партия и реальная угроза первым двум кандидатам – ее дяде и кузену, которые замечены в стольких правонарушениях, что ее собственные по сравнению с этим – детский лепет. Как иронична судьба...

Интересно, хватит ли им наглости попытаться убить ее у него дома? Опыт будет забавным. Да, определенно, судьба благосклонна к нему и его затянувшейся хандре – ближайшие несколько месяцев будут явно насыщены событиями.

Интересно, как сильно она разозлится, когда узнает его реальные планы?

На удивление, книга действительно меня захватила. Пролистывая некоторые моменты, я зачитывалась теми, что нравились мне больше всего, и не заметила, как за окном совсем стемнело. Да и в кабинете было столько света, что сумерки нисколько не повлияли на освещение.

И лишь тогда, когда Кирилл навис надо мной, я подняла на него удивленный взгляд.

– Идем, я закончил. Книгу оставь на столике, завтра дочитаешь.

– Но я... – Мне стоило лишь взглянуть в его недовольно прищуренные глаза, чтобы понять – отказ не принимается.

«Иначе что?»

– Могу загипнотизировать, могу просто закинуть на плечо и отнести в нужном направлении.

Ответ был ироничным, но вызвал во мне лишь недоверие. Очередной бред...

– Анна, пора уже понять – я не бросаю слов на ветер. У тебя, как всегда, два варианта: послушаться и сделать самой либо вынудить меня поступить так, как будет удобно мне. А уж как именно будет мне удобно, ты выбирать не вправе.

– Тебе просто скучно и ты развлекаешься за мой счет, да? – Я отложила книгу и встала, тут же отступив в сторону, чтобы он надо мной не нависал. – Не пойму, в чем тут развлечение? Приказы без права на слушание? Неужели мало слуг?

– Слуг достаточно. Тут дело в ином... – Снова взяв за руку, демон вывел меня в коридор и отправился на второй этаж. – Дело в тебе и твоём наказании. Дело в моём желании выполнить свое обещание. Просто смирись. Тебе ведь без разницы, как жить, лишь бы поскорее умереть, верно? – Во взгляде, как и в голосе, проскользнула ничем не прикрытая ирония, и он добавил, на втором этаже повернув направо: – Поверь, мои методы максимально действенны и быстры.

«Стоп. Мы куда идем?!»

– В мою спальню. Я ведь сказал, что буду рядом даже ночью. А так как моя кровать больше... – Без труда удержав мою руку, когда я дернулась, демон саркастично приподнял бровь. – Что такое?

– Я не собираюсь спать с тобой!

– Не спи. – Беспечно пожав плечами, он словно не замечал моего сопротивления. Прошел в спальню и закрыл дверь изнутри на ключ, который сначала вынул из кармана брюк, а затем вновь убрал его обратно. А на мой возмущенный взгляд вновь беспечно пожал плечами. – Предосторожность от твоей же глупости. В туалет пойдешь?

– Издеваешь-ш-шься?! – угрожающе зашипев, я выдернула руку и шагнула назад.

– А что такое? Или ты больше туда не хочешь? Гарантирую, подсматривать не буду.

Боги, за что мне это?! Мысленно сплюнув, я старалась не ускорять шаг, при этом прекрасно понимая, что он все равно слышит мои мысли. А они были крайне нецензурными. Все.

Всего за несколько часов я испытала столько ярости и злости, сколько во мне не было за всю жизнь. Он издевался, открыто, не скрывая этого.

Счастье... Мне кажется, у нас с ним абсолютно разное понимание этого слова. Как можно заставить меня испытывать это светлое чувство подобными методами? Не понимаю.

Максимально быстро сделав все свои дела, я успела лишь шагнуть к душевой кабине, когда он бесшумно появился в дверном проеме. Вздрогнув, замерла. Он же, словно так и надо, начал медленно расстегивать пуговицы своей светло-серой рубашки, при этом неумолимо приближаясь. Не поняла...

– Вместе, Анна. Все вместе. Туалет, так и быть, будешь посещать одна, но все остальное – вместе.

Идиотизм. Моментально передумав принимать вечерний душ, который за эти недели стал для меня неизменным ритуалом, я не успела шагнуть в сторону, а он уже стоял напротив в расстегнутой рубашке и тянулся к подолу моего платья.

– Не тронь! – Уперев ладони ему в грудь, я попыталась оттолкнуть, но это было все равно, что толкать гранитную глыбу. Он не шелохнулся, лишь удивлено приподнял бровь.

– Анна, ты снова забываешься – ты моя собственность.

Тихие слова вызвали новую волну гнева, и я, зарывав от бессилия, стукнула кулачками по его груди, не представляя, что сделать еще. Он был прав и знал это. Я тоже знала и могла лишь покориться.

– Хорошая девочка... – Без особого труда сняв с меня платье и бросив его на низенький широкий пуфик, демон шагнул к душевой кабине и сначала настроил воду. И лишь после этого вернулся ко мне и в два счета избавил от белья.

Сам, кстати, раздеваться не торопился.

Стоило мне об этом подумать, как он иронично хмыкнул и снял рубашку, явив моему смущенному взгляду свое практически безупречное тело. И когда только успевает... был у меня один знакомый культурист, так ему для подобного эффекта приходилось ходить в качалку минимум четыре раза в неделю и проводить там по два-три часа. Тут же...

– На цокольном этаже есть тренажеры и бассейн. Мне хватает двух раз в неделю. – Ответив на мои невысказанные мысли, он взялся за ремень и, нисколько не стесняясь моего замершего взгляда, расстегнул сначала его, затем брюки и так же спокойно снял их, оставшись в черных «боксерах».

Мамочки мои... Нереальность происходящего зашкаливала, так что я, зажмурившись, мотнула головой, не в силах уйти в душевую кабину. Его присутствие меня словно замораживало. Затормаживало. Отключало мышление и вводило в ступор.

– Расслабься. – Как он оказался сзади, я не совсем поняла, но он снова шептал мне в ухо, а его горячие руки легли на мою талию. – И когда это огненная демоница со взрывным характером и собственным мнением обо всем на свете стала безвольной, стеснительной глупышкой? Я же сказал – не трону. Да, именно в том самом плане, о котором сейчас все твои мысли.

– Зачем тогда эта двусмысленная ситуация? – Открыв глаза, я попыталась шагнуть вперед, в душевую кабину, но он не пустил. – Кирилл?

– Эмоции, Анна. Все дело в эмоциях... – Демон интимно прошелся по моим бедрам ладонями, а потом легонько подтолкнул к кабине. – Что ты знаешь о том, как мы питаемся?

Что? Торопливо забравшись в душ, я принципиально стояла к Кириллу спиной, не собираясь смотреть на абсолютно голого маршала. Почему-то я была уверена, что сейчас он уже голый.

Что значит – как?

– То есть не знаешь?

Озадачившись всерьез, я даже нахмурилась. Старательно вспомнила все, что когда-либо

слышала или читала, и в итоге признала, что действительно не знаю. Всем известно, что пожиратели питаются эмоциями, и после этого жертва чаще всего умирает. В редких случаях становится овощем, но лучше уж смерть, чем такое. Но как именно питаются пожиратели... нет, я не знала.

– Мы забираем эмоции кончиками пальцев. Вот так... – Его руки снова обхватили мои бедра, чуть сжали, а затем начали свой неторопливый путь наверх. При этом он касался моей кожи всей поверхностью своих рук – как ладонями, так и теми самыми кончиками пальцев.

Сначала дернувшись, я замерла. Попыталась прислушаться к себе, но ничего не почувствовала. Точнее, ничего отрицательного не почувствовала. Абсолютно.

А почувствовала я... Мысль возникла и сформировалась быстрее, чем я смогла ее заглушить, и Кирилл понимающе усмехнулся, не останавливаясь. Руки его медленно ползли наверх.

Теплый душ мягко ласкал мои плечи, а его пальцы умудрялись нежно ласкать мой живот, вызывая во мне полузабытые и такие неуместные сейчас эмоции и ощущения. Я слышала его дыхание и стук его сердца, но это все было несравнимо с тем, как сейчас дышала я. Замирая, сбиваясь, пытаясь не думать и не чувствовать, но при этом и думая, и чувствуя.

Ладони тем временем дошли до ребер, а пальцы, словно так и надо, скользнули под грудь и чуть ее приподняли, нежно поддерживая.

Нежно... Откуда в нем нежность? Откуда подобное отношение к будущему ужину? Зачем он это делает?

– Страсть – тоже эмоция. Яркая. Терпкая. – Пальцы скользнули выше и обхватили грудь. – Нежность – тоже эмоция, но в тебе ее нет... Кстати, это очень редкая эмоция, и почти никогда она не достается таким, как я. В основном страх... Дикий, потусторонний ужас, когда жертва понимает, что смерть неизбежна. В тебе страха нет, почти нет. Ты ведь не боишься смерти... – Он прошептал совсем тихо, но я все равно услышала, а затем снова вздрогнула, когда он прижался ко мне всем телом, обняв одной рукой за грудь, а второй – за талию. – Не трясись, не каждое мое прикосновение смертельно. Должность маршала получают лишь те, кто может себя контролировать.

Мужская ладонь обвела мой живот по кругу, словно что-то рисуя, а затем вновь скользнула на бедро. Вторая в это время гладила грудь.

Я вообще перестала хоть что-то понимать. Он сейчас что и зачем делает? И если сейчас он не пьет мои эмоции, какими бы они ни были, то какого черта он меня лапает?

– Почему нет? Тебе ведь нравится. – Его тихий шепот был настолько самоуверенным, что гнев вспыхнул моментально. – Ти-и-ихо... Тихо, девочка. Ярость не то чувство, что я сейчас хочу. В любом случае пожиратели поглощают эмоции окружающих, точнее, их остаточный аромат, причем абсолютно всегда. Он разлит в пространстве, им пахнет твоё тело и твои мысли. И поверь, возбуждение намного вкуснее ярости. Это как изысканный аромат духов. Индивидуальный, эксклюзивный. Смертельным для жертвы является лишь жесткий захват с определенным намерением и настроением. Это как твоя вторая ипостась...

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Почему нет? Мне ведь не нужен твой страх... А все неизвестное обычно страшит. Если ты будешь знать, что в повседневной жизни я абсолютно безопасен, то даже и не подумаешь меня бояться и впредь. Верно? – и сам же себе ответил, не переставая гладить уже мои ягодицы: – Ве-э-эрно...

Удивленно нахмурившись, я попыталась сложить один плюс один, но из-за того, что он

меня отвлекал, у меня неизменно получалось три. А еще почему-то подрагивали колени. И томно ныло все внутри. И очень хотелось, чтобы он погладил меня чуть выше, а затем чуть ниже, и вообще... Не успев оборвать себя на этих мыслях, тут же чертыхнулась, когда он выполнил мое неозвученное вслух желание.

– Прекрати!

– Почему?

– Ты обещал... – ответив не очень уверенно, потому что его пальцы в это время скользнули туда, куда нельзя было, я не удержала всхлипа и выгнулась, чтобы ему было удобнее.

Что я делаю... Боги, что я делаю?

– Да, я обещал, что без насилия.

То есть это все потому, что я позволяю ему сама?

– Нет! – вырвалось у меня.

– Ну нет так нет.

Он отстранился так резко, что я пошатнулась и едва успела опереться о стену.

Резко обернулась через плечо, чтобы обласкать его теми словами, что крутились на языке, но они застряли в горле. Демон улыбался так безмятежно, что снова стало страшно.

«Больной...»

– Отнюдь. Шокотерапия, слышала такое слово?

Мотнув головой, чтобы хоть как-то привести мысли в порядок, нащарила рукой бортик и обессиленно на него опустилась. То есть он все это делает лишь для того, чтобы я испытывала эмоции? И не важно, какие?

– Важно. Очень важно. – Сейчас его голос был невероятно нежен.

Эти контрасты в его поведении были настолько разительными, что мой разум не успевал с ними справляться. Ледяная корка, заморозившая сердце и душу три недели назад, покрылась трещинами. Шокотерапия. Действительно, шокотерапия...

– Успокойся. – Выдавив на губку гель для душа, Кирилл опустился передо мной на колени, взял мою ладонь и начал намывать руку от запястья до плеча. Старательно, но при этом невероятно аккуратно. – Но признай, что я выбрал верную тактику. Твоя защитная броня в последнее время была необходимостью, но сейчас она тебе мешает. И если уж на то пошло, ты должна понять, что для достижения нашей общей цели нам необходимо уничтожить твою апатию и безразличие. Только тогда мы сможем сделать тебя счастливой. Верно?

Губка скользнула по плечу и замерла на груди, а его глаза в это время ловили мой обескураженный от подобных признаний взгляд. В целом он прав, но...

– То есть ты будешь меня бесить, возбуждать, издеваться и прочее только для того, чтобы вывести меня из... – замешкавшись, подбирая слова, я в конце концов выдавила: – Из депрессии?

– Верно. Поверь, безотказный метод.

Невероятно...

Зажмурившись, я мотнула головой. Это в ней просто не укладывалось. У меня теперь есть... кто? Нянька? Психолог? Мучитель? Любовник?

– Хочешь? Не проблема.

Он перешел на ноги, умудрившись закинуть мою лодыжку себе на плечо, и теперь гладил коленку, а затем и бедро губкой.

«Больной...»

– Не стоит быть такой категоричной, Анна. Если ты чего-то не понимаешь, то это не значит, что окружающие больны. Порой это означает лишь то, что у них есть цель и они идут к ней теми путями, понимание которых тебе пока недоступно. Подумай над этим на досуге. – Загадочно усмехнувшись, он перешел ко второй ноге, которая так же, как и первая, оказалась на его плече, и мне пришлось вцепиться руками в бортик, чтобы не упасть.

Было ужасно неловко и в то же время пикантно. И вообще...

Закусив губу и стараясь отрешиться от происходящего, я предпочла считать секунды, но взгляд нет-нет да и останавливался на его руках и на его плечах. Скользил по мокрой груди с темными кудряшками волос, затем невольно продолжал движение вниз, неосознанно любовался рельефным животом и...

Нервно сглотнула, увидев, что желания бродят не во мне одной. Причем он этого нисколько не скрывал, иронично улыбнувшись, когда я дернулась и испуганно посмотрела ему в глаза.

– Не поверишь, я не импотент, и вид голой девушки меня возбуждает. Но насилие не мой принцип.

«Не понимаю...»

– Хочешь, чтобы я настоял и взял инициативу в свои руки?

Наверное, мои глаза были абсолютно круглыми, потому что он бережно, одну за другой убрал мои ноги со своих плеч и подался ближе, при этом начав намылывать мой живот и бока, но делая это настолько эротично, что я моментально покрылась мурашками и едва не выгнулась вслед за его рукой.

Что он делает...

– Получаю удовольствие. Максимально доступное и невероятно терпкое... – Подавшись еще ближе, он оперся рукой справа от моего плеча, но так и не перестал водить по моему телу пенной губкой, иногда касаясь кожи и пальцами. – Классический секс далеко не единственный источник получения наслаждения, поверь.

Нервно улыбнувшись, я дернула плечом. А ведь он прав. Сейчас, выведенная из равновесия и перевозбужденная, я могла признаться прежде всего самой себе, что нуждалась во встряске подобного плана. Мне нужны эмоции. Необходимы. Много. Разных. Сильных. И он мне их давал. Наверняка он был очень опытен в подобном вопросе и знал, как в максимально короткие сроки достичь желаемого...

– Верно. – Губка очутилась на внутренней поверхности бедра и медленно начала свой путь вверх. – Ну так как, Анна? Мне настоять или закончим шокотерапию?

– На... – сглотнув, отрицательно мотнула головой. – Нет. Нет!

– И к чему же мне прислушаться? – хрипло прошептав прямо в губы, Кирилл провел кончиком носа по моей щеке, а потом прикусил мне мочку уха и продолжал шептать, тогда как я едва сдерживала дрожь и стон: – Что мне слушать, девочка? Твои эмоции или твои слова? А ведь они так разнятся... Что из них правда, а что ложь?

– Не надо. Пожалуйста...

Да, он был прав. Тело хотело, тело очень хотело. Оно так истосковалось по ласке, теплу и нежности... Но разум понимал, что это обманка. Разум хотел любви, Кирилл же мог дать только секс.

– Да, ты права. – Беззаботно отстранившись, демон беспечно пожал плечами, а затем и вовсе встал, при этом подняв и меня. Начал старательно смывать пену, объясняя: –

Некоторым хватает и секса, многие никогда не познают истинной любви, находя заменители. Фальшивые, всего лишь похожие... иногда очень похожие. Страсть очень часто принимают за любовь. Любовь же на вкус абсолютно иная. Как и нежность. Как и искреннее, незамутненное счастье. Голову мыть будем?

«Что?»

– Ладно, не будем. Ты же мыла ее перед ужином, верно? Верно, – разговаривая сам с собой и отвечая на свои же вопросы, демон в три секунды вымылся сам, выключил воду и, шагнув из кабины, отправился за полотенцами.

Себе взял среднего размера и, тремя скупыми движениями пройдясь им по телу, обернул вокруг бедер. Меня завернул в большое и еще одно накинул на промокшие под душем волосы. Я же в это время стояла в ступоре, даже не пытаюсь сделать что-либо сама. Судя по всему, он уже все распланировал, и мое участие сводилось лишь к моему присутствию.

– Не обязательно. Если хочешь, можем поговорить. Как ты относишься к живописи в стиле романтизма? Мне кажется, стремление художников к свободе, раскованному выражению эмоций, богатству образов было в первую очередь связано с тем, что они решили отвергнуть аристократизм. Наверняка ты знаешь, что этот стиль зародился во Франции на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков. Революция сменялась революцией, чернь требовала прав и свободы, и, естественно, это отразилось и в живописи... Ты меня слушаешь?

Нет. Я не слушала. Точнее, слушала и обалдевала. Какая живопись? Какая, к чертям, Франция? Меня только что раздели, вымыли, перевозбудили, затем кинули, попутно объяснив, что действительно хотели со мной переспать, но можно и отложить. А теперь мы будем разговаривать о живописи?

Он привел меня в спальню, усадил на кровать, а сам отправился к комоду и вынул из верхнего ящика фен.

– Не хочешь?

– А можно выпить?

– Нет.

– Почему?

– В моем доме нет алкоголя.

– Вообще? – Это удивило еще больше.

«Вот прям совсем-совсем нет? И даже красного сухого? И даже водки?»

– Ты не пьешь водку.

«Когда нет ничего, можно и водки...»

Осуждающе качнув головой, он вставил вилку в розетку и махнул рукой, чтобы я подошла.

Подошла. Протянула руку, чтобы взять фен, но он отрицательно качнул головой и указал рукой на стоящий рядом пуфик. «Больной...»

– Я предпочитаю иное определение. – Сняв с моей головы полотенце и включив на удивление тихий фен, он продолжил: – Мне больше нравится слово «эпатажный», хотя ко мне оно тоже вряд ли подходит. Анна, желание вызывать эмоции и при этом находиться рядом с объектом не болезнь. Для меня это норма. Так уж сложилось, что моим объектом на время стала ты. И поверь, я не собираюсь лишать себя удовольствия насладиться как можно большим объемом эмоций, прежде чем мы достигнем цели. Предупреждая твой вопрос о том, почему я раньше не обзавелся кем-то похожим, отвечу – я могу обходиться без подобного

экслюзива без особых проблем. Мне хватает одного смертника раз в квартал. Но раз уж у меня появилась ты...

«Сюрреалистичный какой-то монолог получался... То есть я и правда для него развлечение, появившееся всего лишь из-за нелепого стечения обстоятельств? И если бы я не села в машину, он бы проехал мимо? Мы никогда бы не пересеклись, а он не завел бы себе «рабыню»?»

– Да, в целом ты права. Кроме рабыни. Сама знаешь, это не так. Я мог бы совершить правосудие и сегодня, но мы ведь уже договорились, верно? Мне необходимо твое счастье, иначе я не согласен. Так что расслабься, девочка...

«И получай удовольствие? Ну-ну...»

– Почему нет? Ты ведь его получаешь. – Мужские пальцы скользили по прядям, высушивая и одновременно расчесывая. – И я его получаю. И будет у нас некий симбиоз, пока мы не достигнем желаемого...

Бред, который происходит со мной.

– Когда?

– Все зависит от тебя. Естественно, я буду прилагать для этого максимум усилий, но в конечном счете все будет зависеть именно от тебя. – Фен был выключен, и Кирилл легонько подтолкнул меня в спину. – Все, я закончил. Иди в кровать.

«Голая?»

– Да.

И так серьезно это «да» было сказано, что я не поленилась обернуться, чтобы уточнить, но пока недоуменным взглядом.

– Да, Анна. Я сплю голым. И ты – тоже.

«Вообще-то нет...»

– Да.

Все-таки психиатры на медосмотре что-то просмотрели... Эта моя бунтарская мысль осталась без ответа, и когда я чуть заторможенно села на кровать, Кирилл подошел ближе и протянул руку. Видимо, затем, чтобы я отдала ему полотенце. Да забирай!

Фыркнув, встала, развернула, вручила. Отвернулась, откинула одеяло в сторону и, уже собираясь занырнуть под него с головой, услышала:

– Я сплю слева.

Да пожалуйста!

Оккупировав подушку справа, причем самую крайнюю, так как на кровати было аж четыре, я закрыла глаза и отвернулась, пытаюсь не думать ни о чем. Получалось плохо. Точнее, совсем не получалось. Почему-то в голове засела и начала меня усердно грызть мысль, что ему намного проще было завести любовницу и слизывать с нее эти самые остаточные запахи эмоций, чем тащить в дом мокрую и, как он выразился, «протухшую» полукровку, а затем и вовсе укладывать ее рядом с собой в постель. Нет, правда!

– Со мной никто не уживается. В личной жизни я тиран. А теперь успокойся и спи.

«Мило. Очень мило. Что, совсем не думать?»

– Не можешь?

Грустно вздохнула и мысленно призналась: да, не могу. День, точнее, вечер был чересчур насыщенным, и теперь я минуту за минутой проживала его заново, пытаюсь понять, но так ничего и не понимая.

– Знаю безотказный метод...

Сообразив по тону, что конкретно он имеет в виду, скривилась. Нет, спасибо.

– Зря отказываешься.

Как он смог бесшумно проскользнуть под одеялом, я не поняла. Он дышал мне в затылок, и его рука лежала на моем бедре.

«А можно не шарить в моих мыслях так бессовестно?»

– Поверь, я максимально абстрагируюсь от твоих мыслей, но ты словно сама их мне посылаешь. Не понимаю... – В его голосе действительно слышалась озадаченность, так что я поверила моментально.

«Да и не было это новостью. Я ведь не только демон, но и сирена...»

– Верно. Наверняка именно поэтому. – Рука собственнически скользнула на живот, и кончики его пальцев начали выписывать на моем теле вензеля. – Сирена с сорванным голосом... Да, наверное, дар ушел внутрь и теперь пытается пробиться иным, доступным образом.

Он размышлял вслух, при этом ни на секунду не оставляя поглаживаний. Я была бы рада от него отстраниться, только вот мне это нравилось. Казалось, что благодаря его пальцам не от меня к нему, а, наоборот, от него ко мне шло живительное тепло. Жизненное тепло. То самое, которое заполняло мелкие трещинки в моем заледеневшем панцире и потихоньку просачивалось внутрь, оживляя душу и сердце.

Я понимала, что с его стороны это всего лишь банальное желание секса с обнаженной доступной девушкой, но не могла отказаться от мысли, что я кому-то нужна, что во мне кто-то нуждается, что я больше не одна. Иллюзия, конечно... но почему бы не поддаться ей и хоть на пять минут почувствовать себя необходимой?

Я поняла, что забылась, и он услышал абсолютно все мои размышления, лишь тогда, когда Кирилл оскорбленно фыркнул мне в ухо:

– Всего пять минут? Плохого же ты обо мне мнения. Анналиррия, я способен намного дольше.

Как же я рада, что он не видит моего бордового лица...

– Зато я чувствую жар твоего смущения.

– Прекрати. Замолчи. Достаточно!

– Тогда создай щит и не проецируй. – На мгновение остановив игру пальцев, он недовольно продолжил: – Я слышу каждую твою мысль так хорошо, словно ты кричишь мне в ухо. Поверь, не все из них приятны.

– Я не могу...

– Или не хочешь?

– Не могу, – поджав губы, я шептала вслух. По крайней мере, так я сама объясняю, а не он копается в моих воспоминаниях. – Когда родители погибли...

Решимости продолжить не хватило, и голос сорвался. Всхлипнув, продолжила мысленно. Когда родители погибли, я узнала об этом из новостей. Авиакатастрофу освещали по всем каналам. В этом самолете летело столько высокопоставленных лиц, что первой версией катастрофы тут же стал теракт. К сожалению, расследования подобного рода проводились слишком долго, и не факт, что даже через несколько лет я узнаю правду.

Для меня правда одна – родителей не стало. В один момент. В одну секунду. Мне даже хоронить было некого – самолет упал в океане.

Первые дни я рыдала сутками. Не ела. Никуда не ходила. Не отвечала на звонки. В итоге соседка, у которой были запасные ключи, вызвала бригаду «скорой» и сама им открыла.

Бригаду ждало печальное зрелище...

Именно тогда стало ясно, что я потеряла голос и теперь мои глаза больше не голубые, а бордовые.

Из больницы я сбежала на вторые сутки, уйдя в одной ночной рубашке и без проблем пройдя мимо поста и спящей медсестры. Еще сутки мне понадобились, чтобы вернуть себе приличный вид и постараться не выказывать свою боль на людях. В течение первой недели я прошла медосвидетельствование на психическое состояние, и теперь у меня была справка, что я вменяема и угрозы для окружающих не представляю. Мне выписали успокоительное и стабилизирующее и оставили в покое. Я забрала ключи у соседки и запретила ей вмешиваться в мою жизнь.

Даже на работу начала ходить...

В библиотеке никто не знал, что я не человек, ведь я работала там всего полгода и всегда ходила туда веселой и жизнерадостной девушкой в своей основной человеческой ипостаси, выполняя нехитрые обязанности. Раньше эта работа была прикрытием, но теперь осталась моим единственным заработком. Вместе с голосом я потеряла свои способности. Все. Абсолютно.

– И в том числе все щиты.

– Странно. – Его рука продолжала поглаживания, но они были больше успокаивающими, чем интимными, да и к себе он меня прижал не как обнаженную женщину, а как ревущую девочку. Крепко, но аккуратно. – Так, сейчас пока не будем об этом. Спи. Отдыхай.

Не знаю, что он сделал, но я уснула. Сразу.

Значит, Демьян и Мирабель погибли в той самой злополучной авиакатастрофе...

Случайно ли?

Тело расслабилось, но мозг все никак не мог отрешиться от новой информации, которую так неаккуратно вываливала на него Анна. Не фильтруя, не утаивая, не стесняясь. Хотя вряд ли она вообще понимала, что делает и сколько всего опасного, прежде всего для себя самой, дает ему узнать.

Анналиррия... Демон Анна и сирена Лирра. Два почти несовместимых существа, без труда воплотившиеся в изящном женском теле. Но произошла катастрофа, и боль потери разъединила, а затем и вовсе заперла существ по разным уголкам. Демон спрятался в сердце, а сирена – в душе. И лишь человеческая оболочка все еще по привычке пыталась жить, хотя уже понимала, что не в силах справиться с этой болью одна.

Сможет ли он вернуть все в первоначальное состояние и не нарушить тот идеальный баланс, который создали ее родители? А что будет, если не сможет или если баланс не будет идеальным?

Повернув голову и посмотрев на спящую принцессу, Кирилл едва уловимо поморщился, увидев на ее бледных щеках еще не высохшие дорожки слез. Никаких «если». Сможет.

Эта ночь была первой, когда мне не снились кошмары. Удивительно...

Судя по моим внутренним ощущениям, утро было уже поздним, но меня никто не будил и никуда не торопил. Странно...

Приподнявшись на локте, осмотрелась. В комнате Кирилла не было. Неужели я одна?

– Я в гостиной.

Иронично усмехнувшись, я качнула головой. Да-а-а... Тактичностью тут и не пахнет.

– Зря так думаешь. Я ведь не мешал тебе выспаться, да и вообще... – Демон показался в дверном проеме, причем он был уже одет (вчерашние брюки и свежая, голубая рубашка) и даже гладко выбрит. – Я очень тактичен, Анна, поверь. Пока...

«Пока что?»

– Пока ты, в свою очередь, хорошая девочка. – Многозначительно улыбнувшись, демон подошел ближе. – Помочь одеться?

– Нет. – Голос после сна был еще ужаснее, чем вчера, и мы оба синхронно поморщились.

– Постарайся пока воздержаться от разговоров вслух. В любом случае, я тебя прекрасно слышу.

Удивившись подобному совету, я вздернула брови и мысленно предложила объяснить.

– Тебе необходимо квалифицированное лечение, которое включает в себя максимально бережное отношение к сорванным связкам. Думаю, после обеда мы с тобой кое-куда прокатимся... Так, одеваться будешь или нет?

Буду. Сейчас приду в себя от очередного потрясения и буду. С благодарным кивком приняв из его рук голубой шелковый халат и черные хлопковые трусики, я зависла, но в итоге поняла, что проще не думать о его действиях вообще, иначе это грозит мне очередным разрывом шаблона. А я еще прошлый не склеила.

«Халат так халат. Трусики так трусики. И вообще, мне в туалет надо!»

С вызовом подумав слишком громко, в ответ заработала лишь ироничный взгляд и жест, милостиво разрешающий мне проследовать в места не столь отдаленные.

«Вот спасибо!»

– Всегда пожалуйста, – Донеслось мне в спину абсолютно серьезное, а затем он чуть повысил голос, чтобы я слышала его из-за закрытой двери, и добавил: – Возле раковины – зубная щетка в упаковке и расческа с заколкой. Они для тебя. Не задерживайся, завтрак уже накрыли.

Задержишься тут...

Максимально быстро справившись со всем, с чем мне порекомендовали справиться, уже минут через пять я выходила из ванной комнаты умытая, с почищенными зубами, расчесанная и даже заплетенная. Не став мудрить, я заплела самую обычную косу и скрепила ее предложенной заколкой, благо волосы были длинными и послушными.

– Молодец. – Встретив меня чуть ли не в дверях ванной, Кирилл протянул мне новую одежду – шоколадные легинсы и свободного кроя тунику с очень симпатичными рюшами по горловине и рукавам. Пока я в замешательстве рассматривала новые и весьма качественные (наверняка дорогие!) вещи, он опять поинтересовался: – Помочь?

– Нет, но... – шептать у меня получалось хорошо, и я не удержалась, высказала свое удивление вслух: – Ты купил это для меня? Новое?

– Почему тебя это удивляет?

Действительно. Почему меня вообще все это удивляет?! Нервно фыркнув, я прижала вещи к груди и отправилась к комоду, рядом с которым были шкаф с пуфиком и большое ростовое зеркало. Мне вот интересно... зачем так дорого одевать и в принципе баловать свою будущую еду?

Ах да! Точно! Искося глянув через плечо, увидела, что он до сих пор стоит у двери ванной и с интересом наблюдает за мной. Значит, все ради того, чтобы я была счастлива, да?

– Да. Рад, что мои предположения о твоём уме подтвердились. Я буду не только тебя бесить, но и баловать. Это входит в программу.

«А не дороговато?»

– Я могу себе это позволить. Поверь, нужное мне чувство практически бесценно. Анна, одевайся скорей, завтрак ждет.

«А отвернуться?»

Закатив глаза, демон фыркнул и действительно отвернулся, отчего я потрясенно замерла. То есть вот так просто? То есть теперь...

– Ты уж определись, чего хочешь, – тихо рассмеявшись, он добавил: – У тебя минута.

«Черт!»

Уж не знаю, уложилась ли я в минуту, но он обернулся лишь тогда, когда я оправляла складочки на тунике, с удивлением констатируя, что это не только мой размер, но и мой цвет. Наряд мне очень шел даже с учетом того, что я сейчас была не просто бледной молью, а полудохлой, тощей, бледной молью с огромными бордовыми глазами на исхудавшем лице, которое обрамляли чуть вьющиеся темно-каштановые волосы, отчего кожа казалась еще бледнее.

– Ерунда. Откормим, вылечим... – Подойдя ближе, Кирилл тоже внимательно осмотрел полученный результат, причем весьма недвусмысленно задержал взгляд на моей груди, для которой вновь не выдали бюстгальтер. Пускай она у меня третьего размера и сейчас скрыта под рюшами... – А мне нравится. Не комплексуй. В любом случае, кроме нас двоих об этом никто не узнает, верно?

Настороженно поймав его взгляд в отражении, я нахмурилась. Мне кажется или... Не став додумывать мысль, я с вызовом вздернула подбородок, когда он иронично приподнял бровь, предлагая мне все-таки ее додумать. А вот даже вслух скажу!

– Ты ко мне клеишься?

– Тебе так кажется? – ответив вопросом на вопрос, чем моментально вызвал во мне глухое раздражение, он не стал дожидаться лавины моих гневных мыслей. – Идем, время завтрака. Тебе, кстати, необходимо усиленно питаться, слишком уж ты тощенькая не там, где нужно...

Раздражение уступило место возмущению, но ему на это было плевать – Кирилл уверенно взял меня за руку и потянул к выходу, задержавшись в дверях лишь на секунду, когда с моей ноги едва не слетела левая тапка.

– Не переживай, обувь купим чуть позже. Балетки, наверное, да?

Ну, наверное... То, что он так свободно разбирается в женском нижнем белье, заколках для волос, размерах и необходимой обуви, было странно, но на фоне всего остального уже не казалось существенным. Но все я равно не понимаю. И, наверное, не пойму.

– Я уже говорил вчера: не понимаешь – смирись. Хотя, конечно, можешь поступить иначе... – Мы вновь спустились в ту самую комнату, где ужинали вчера. Сейчас стол был

накрыт скромнее, но тоже весьма изысканно. Усадив меня за стол, демон прошел на свое место. – Можешь подумать. Попытайся проанализировать... Сопоставить факты. Хотя нет, у тебя не получится. Нет тех самых фактов. – Многозначительно сверкнув глазами, Кирилл улыбнулся своим мыслям и тихо, иронично добавил: – Одни лишь слухи, сплетни и домыслы... Ладно, не буду портить тебе аппетит. Завтракай.

Так и хотелось съязвить: «Спасибо, барин!» Хотя почему хотелось? Съязвила. Он ведь слышит даже тень мысли... Слышит, нет?

– Твои – слышу. К сожалению. – Не став скрывать и кивнув, он не отрывался от завтрака, весьма успешно совмещая разговор и еду. – Мне кажется, у нас действительно начинает получаться некий симбиоз. Тебе необходим... назовем его «спутник». Тот, кто будет тебя тормозить и выколупывать из той скорлупы, которая защитила тебя от разрушающей боли потери. Ты уже понимаешь, что в этом действительно назрела необходимость и пора возвращаться к полноценной жизни и полноценным чувствам. Так вот... из-за потери голоса и невозможности привычного общения ты очень много и ярко думаешь. Невероятно эмоционально и насыщено. Причем по отношению ко мне как к своему «спутнику». В свою очередь, мои способности к эмпатии, телепатии и поглощению эмоций позволяют мне читать тебя, как раскрытую книгу. Я слышу все. Абсолютно все. Даже то, что ты только начинаешь думать. Даже то, что таит твое подсознание. Поверь... – Чуть поморщившись, когда из моих пальцев выпала вилка и громко стукнулась о тарелку, Кирилл отрицательно качнул головой. – Нет, это невыносимо. Анна, прекрати. Прекрати!

Рывкнув так, что я вздрогнула и подняла на него глаза, в которых вновь было целое озеро слез, он рывком встал, стремительно подошел вплотную и дернул меня за плечо так, что я буквально подскочила со стула, а тот завалился назад и прогрохотал по полу.

– Смотри мне в глаза! – Приказ был отдан таким категоричным тоном, что я не посмела послушаться, хотя уже мало что видела из-за слез.

Он взял мое лицо в свои ладони, которые показались мне обжигающе горячими, и тихо, угрожающе продолжил:

– Сейчас будет больно. Но даже не вздумай дернуться, поняла? Поняла меня?!

Да. Поняла, что нельзя дергаться. Но не поняла, поче...

Больно стало сразу. Неожиданно. Сильно. Резко. Причем почему-то внутри. И почти сразу все закончилось. Не понимая, что сейчас произошло, я несколько раз сморгнула, при этом стараясь не шевельнуться даже случайно, и одним взглядом попыталась спросить. Он же... Он стоял с закрытыми глазами. Недовольный. Сосредоточенный... Даже немного злой.

– Замри.

Он предупредил очень вовремя, потому что вновь возникла боль. На этот раз в висках и почему-то в скулах. Жгло глаза, вновь хлынули слезы. Спазмом сдавило горло, но даже если бы я хотела дернуться или отстраниться, мне бы не дали. Он бы не дал. Он держал так крепко, что больше всего это было похоже на капкан.

А боль все нарастала... Было уже почти невыносимо, и я едва стояла, как вдруг она кончилась. Просто кончилась. Оборвалась, словно ее и не было. Стало так тихо...

– Садись, ешь.

Его голос был глухим и очень недовольным. Судорожно кивнув, я послушно села на поднятый и пододвинутый им стул и, не отрывая взгляда от тарелки, съела все, что там было. Выпила чай, до последней крошки съела булочку и лишь тогда, когда рядом со мной больше ничего не осталось, рискнула посмотреть на сидящего напротив демона.

Мне кажется, я начала понимать, что только что произошло... Но ни подтвердить, ни опровергать мои стеснительные мысленные предположения он не торопился, хмуро уничтожая свой завтрак. Вот только чем больше я думала, тем невероятнее становились мои выводы. Но разве такое бывает?

И снова – сконфуженный взгляд на него, а он словно не слышит. Словно он больше не эмпат, а я не ломлюсь в его голову со своими выводами. Неужели?

– Нет, в этом отношении ничего не изменилось, – уже приступив к чаю, он почему-то устало качнул головой, при этом так и не посмотрев на меня. – Да, все верно. Но давай ты пока чуть-чуть успокоишься... Это... Это нервирует.

«В смысле?»

– Мне необходимо ликвидировать последствия. Прости, но я отлучусь. – Резко встав из-за стола, Кирилл скупно улыбнулся. – Люси проводит тебя в кабинет, побудь до обеда там. Все просьбы – к ней.

Кирилл ушел, а я растерянно смотрела, как за ним тихо закрывается дверь. Невероятно... Только что пожиратель избавил меня от паники и надвигающейся истерики, умудрившись выпить их так, что не затронул ничего, кроме них. Сейчас я была абсолютно спокойна и даже несколько апатична, но в хорошем смысле этого слова. Черт возьми, он мне помог! Невероятно помог!

Но зачем? И разве так бывает? Наверное, ему сейчас плохо, да?

Не имея никакого представления, что происходит с пожирателями эмоций после того, как они выпьют эти самые эмоции, я даже начала немного нервничать. Неужели я переживаю за него? Как странно. Глубоко уйдя в свои мысли, я послушно проследовала за подошедшей служанкой в кабинет и так же послушно устроилась в кресле, отрицательно качнув головой, когда она поинтересовалась, нужно ли мне чего.

Нет, ничего не нужно. Хотя... Нужно, но этого у нее нет. Факты. Мне необходимы факты. Много! А ведь он забрал не только панику...

Понимая, что ближайшие часы проведу одна, я решилась на маленькое безумство – отправилась к его рабочему столу и первым делом пересмотрела все бумаги, которые там были. Увы, их оказалось немного. Не знаю, когда он успел, а может, кто-то еще этим кроме него занимался, но все, с чем он работал вчера, отсутствовало. Вместо этого на столе лежало всего три нераспечатанных конверта, которые я с великим сожалением отложила в сторону, и стопка...

Стоп. Это же обо мне! Забыв, что изначально хотела всего лишь найти ручку с чистым листком, чтобы систематизировать свои выводы, и одним глазком глянуть все остальное, я как стояла, так и села. В хозяйское кресло.

Старательно проморгалась, мало ли, может, у меня уже зрительные галлюцинации. Но нет. Это действительно распечатанные выдержки из газет и статей в Интернете обо мне и моей семье.

Я читала, перечитывала, а мое лицо вытягивалось все больше. Это... это невероятно! Неужели он настолько силен, что знает теперь даже это?! А ведь он не мог это узнать ниоткуда, кроме как из моей головы! Ужас...

Факты, даты, имена... Теперь понятно, почему их так боятся. Я у него дома меньше суток, а он знает не только все мои прегрешения, но и имена моих скупщиков, подельников и перечень украденного.

Да, я воровка.

На самом деле родители были против, но тут уж ничего не поделаешь – гены. Профессиональной воровкой была мама, и с папой они познакомились именно тогда, когда она тиснула у него фамильные часы. Красивые, круглые, на цепочке. Сейчас, да и тогда, в принципе, тоже, такие часы делали в очень ограниченном количестве и в основном под заказ. Папа каждый раз вспоминал их знакомство с улыбкой, а мама смеялась и говорила, что на самом деле не собиралась воровать, а просто не знала, как познакомиться иначе.

Воспоминание промелькнуло молнией, но, на удивление, не вызвало слез. Кирилл забрал мои слезы. Удивительно...

Задумчиво перебирая бумаги, я не ленилась и читала все подряд. Читала и читала. Невероятные способности. Уникальная память. Наверное, вряд ли ему приятно каждый раз копаться в чьем-то дерьме, выуживая на свет божий столько всяких подробностей. Бедняга...

Я бесстрашно сидела в его кресле и просматривала бумаги. Все равно я смертница, куда уж хуже? Теперь я знала свое ближайшее будущее, а также то, что он будет верно следовать данному слову – сначала я стану счастливой.

Почему-то сама эта мысль уже приносила умиротворение.

Дочитав почти до самого конца, чуть нахмурилась. А это что? Было всего одиннадцать листов с моими прегрешениями, а вот двенадцатый... Ответ на запрос. К сожалению, самого запроса в бумагах не было, но вот ответ...

– Анна, когда я просил тебя пройти в мой кабинет, я не имел в виду: сидеть за моим столом и совать нос в мои бумаги.

И пускай я считала себя почти вправе делать это, но все равно покраснела, когда от распахнутых дверей раздался недовольный голос Кирилла. Зачем так рано пришел? Обещал же мне время до обеда!

– Я справился раньше. А ты дерзишь. Уже настолько пришла в себя? – Демон подошел ближе и жестом согнал меня со своего кресла. Точнее, попытался.

– Что это? – Отложив список своих правонарушений, я развернула последний лист и бесцеремонно сунула ему под нос, не собираясь вставать и планируя сначала получить ответ на свой вопрос. – Что это значит?

– Ответ на официальный запрос регионального маршала. Что непонятного? – явно находясь в не самом добром расположении духа, он язвительно ухмыльнулся и забрал у меня документ, а затем невообразимым движением выдернул меня из кресла, сел в него сам, а меня усадил себе на колени. Все это было поделано так быстро, что я даже пискнуть не успела. – Хочешь, кое-что расскажу?

И таким тоном он это спросил, что у меня по спине пробежали мурашки, шепнувшие, что это «кое-что» может мне не понравиться.

– Согласен, радоваться ты не будешь. Это действительно был теракт. Расследование уже завершено, но официальная версия никогда не будет озвучена в средствах массовой информации. Мало того... – Его голос стал тише, а мои мурашки враз заголосили, что не хотят знать дальше. – Уже найден и допрошен исполнитель. Поверь, когда дело касается смерти кронпринца, пускай даже отрекшегося от своей семьи и официально отказавшегося от права на престол, расследование всегда доводят до логического завершения. Твой отец не знал, но буквально за неделю до теракта монарх официально восстановил его в праве наследования. Это его и убило...

Но... Но...

Слез не было. Я не могла поверить. Я не хотела верить!

Невидящим взглядом рассматривая того, на чьих коленях сейчас сидела, я не могла думать. Вообще. В голове было пусто. Эта информация была сродни взорвавшейся бомбе, которая уничтожила мои мысли. Подчистую.

Он же не мешал мне прийти в себя, лишь одной рукой слегка поддерживал за талию, а вторую положив мне на колени, видимо, для того, чтобы я не съехала вниз.

– То есть... – Сумбурные мысли не хотели формироваться во что-то внятное, и я попыталась помочь себе словами, которые недоверчиво шептала: – Ты хочешь сказать, что... что дед восстановил папу в правах наследника, и именно поэтому его убили? Самолет взорвали именно из-за папы?

– Да.

Ответ был четким, коротким и убийственным. Но вновь он не вызвал во мне слез. Зато был гнев, столько, что в голове что-то щелкнуло. Неприятно, болезненно... и все резко замерло.

– Кто?

– Он уже мертв.

– Кто?! – Дернувшись, я вскочила на ноги и, рыкнув, в бессильной ярости сжала пальцы в кулачки. – Кто он?! Кто эта мразь?!

– Один из твоих кузенов. Именно он был официальным заказчиком, и именно его тело нашли на следующий день. Он повесился, оставив записку, в которой просил никого не винить в своей смерти и пояснял, что не желает жить с подобным грузом вины.

Ответ обескуражил, и я, нахмурившись, шагнула назад. Уперлась спиной в стеллаж и, обняв себя руками, попыталась осознать эту информацию. Ничего не понимаю...

– Неудивительно. Хочешь, расскажу еще кое-что?

Еще? Есть еще? Истерично хохотнув, я молча развела руками. Валяй!

– В последние три года монарх начал ощутимо сдавать, и стало ясно, что вскоре на престол взойдет новый правитель. За это время правящая ветвь по тем или иным причинам лишилась пятнадцати претендентов на трон. Пятнадцати, Анна. Как тебе цифра?

Дико...

Мотнув головой, мысленно поторопила. В чем суть?

– А теперь стой крепче. Три дня назад монарх скончался. Ты третья в списке на престол.

Его предупреждение было не лишним, но на ногах я не устояла. От осознания того, что теперь я не воровка и даже не библиотекарь, а ни много ни мало принцесса, организм дал очередной сбой.

В себя я пришла у Кирилла на руках, причем он сидел в кресле, устроив мою голову у себя на плече и крепко обнимая обеими руками.

– Да, это был обморок. Плохо. Тебе нужно больше есть и гулять на свежем воздухе. Совсем нервы ни к черту.

Он говорил это так беспечно, что в моей душе всколыхнулась робкая надежда на то, что он пошутил. Что я все не так поняла. Что это... Это была очередная шокотерапия!

– Нет. Ты сделала верные выводы. Твоих родителей убили, так как они стали бы следующими правителями. А ведь ты не составила им компанию лишь случайно... Верно?

Горько улыбнувшись, я не удержалась и уткнулась носом в его рубашку, пахнущую приятным, древесным ароматом. Мои руки сами собой обняли его за талию, а мысли непроизвольно вновь окунулись в прошлое. Мы хотели лететь на Кубу вместе, но в самый последний момент, буквально перед вылетом, меня задержали мои незаконные дела, и я

пообещала, что вылечу на два дня позже. А ведь у нас было три билета... Как я жалела об этом! Как я проклинала судьбу! Как я ненавидела в тот момент ту картину и того скупщика, из-за которого родители погибли без меня!

А ведь та картина до сих пор у меня дома...

Качнув головой и усмехнувшись, потому что эти мысли наверняка слышал тот, кто за такое наказывает, я шумно выдохнула и переключилась на другое, более актуальное. Неужели и я была в списке того убийцы?

– Верно. И мне кажется, что они до сих пор уверены: ты тоже в списке погибших. Иначе сейчас ты не сидела бы в моем доме.

Бред...

– Они? Кто они?

– К сожалению, это пока неизвестно. Сомневаюсь, что следователи поверили в то, что один из самых циничных отпрысков огненного клана наложил на себя руки, при этом полностью признав вину. Я вот не верю. К сожалению, нет ни одной зацепки, так что если не знать истинной подоплеки событий и статуса умершего, то можно смело заявить: это стопроцентное самоубийство. Только вот это именно убийство.

Страшно. Сглотнув, я прижалась к Кириллу еще крепче. Мне было невероятно уютно у него на руках, а демон не делал попыток меня согнать, так что я решила, что буду пользоваться этим до последнего. Да и Кирилл вроде говорил, что ему нравится меня трогать...

– Уточню кое-что: не тебя, а твои эмоции. Хотя и тебя – тоже... – всего несколькими словами смутив меня так, как не могли смутить многие намного более скабрёзными словечками, Кирилл усмехнулся. – Ну а что? Девочка ты славная, фигурка на уровне, мордашка смазливая, характер покладистый... образование, кстати, тоже очень даже неплохое. Чем не принцесса? А какой мужчина в своем уме откажется подержать на коленях принцессу?

– Язвишь, да? – прошептав, я подняла голову и угрюмо посмотрела ему в глаза. – Зачем мне этот титул, если он не может вернуть мне родителей? Если именно он – причина их гибели? Да и я... я все равно даже близко не подойду к трону, потому что я в твоём доме.

Кивнув в сторону многочисленных бумаг, я мотнула головой. Принцесса-смертница. Насмешка судьбы! А ведь когда-то, когда я была маленькой, мама часто рассказывала мне сказки о принцессах. О том, какие приключения их поджидают на каждом шагу; о том, какие принцы добиваются их внимания; о том, какие у них восхитительные наряды и украшения. Намного позже я узнала, что действительно могла бы стать принцессой. В альтернативной реальности. А еще позже, изучив не только глянцевою обложку светской жизни, но и заглянув под нее, я поняла, что никогда в здравом уме не согласилась бы жить в этом гадючнике. Лицемерие, ложь, зависть, трусость, двуличность... Это лишь малая часть тех качеств, которыми могли «похвастать» все те, кто принадлежал высшему обществу. Уничтожь соперника, подставь ближнего, оболги и разори остальных – вот их девиз.

Нет, я рада, что мне не светит трон. Очень рада.

– Какие интересные представления о родне... – задумчиво протянув, Кирилл неожиданно поинтересовался: – А как же честь и достоинство? Долг и отвага? Целеустремленность и ответственность?

Мы думаем об одних и тех же демонах? Да и какая родня? Сколько их вообще осталось? И уж в чем я точно уверена, так это в том, что уцелели самые двуличные и предприимчивые,

а уж никак не честные и достойные.

– В чем-то ты определенно права, но не во всем. Пока вина не доказана, никто не виновен.

Ах, ну да... Как же я могла забыть об этом принципе пожирателей.

– Ладно, смотрю, ты уже пришла в себя. Перейдешь в свое кресло?

«А есть варианты?»

– Почему нет? Варианты всегда есть.

А сейчас-то какие? Вместо ответа мне достался настолько снисходительный взгляд, что я растерялась. А затем его ладонь словно невзначай скользнула по моему бедру вверх и обратно. Понимание пришло неожиданно. Нет, в целом, это было в его духе. Но разве ему самому будет удобно так работать? Да и потом, я увижу все, что он будет читать.

– И чем мне будет это мешать или грозить?

Очередной вопрос был весьма своевременным, причем из разряда риторических. Действительно. Все, что сейчас происходит или произойдет здесь, никогда не станет достоянием кого-либо еще. Я оптимальный собеседник. Будущий труп никогда ничего и никому не расскажет. Меня это даже несколько позабавило. А затем я глянула наверх, и улыбка сползла с моего лица. Он был зол. Я что-то не то подумала? Но...

И как бы потактичнее ей намекнуть, что в его планах нет подобного завершения их устного соглашения?

– Что не так? – Когда Анна не выдержала затянувшегося молчания и спросила вслух, он прикрыл глаза. – Кирилл? Ответ. Я правда не понимаю.

Он поинтересовался:

– Ты внимательно изучала Уголовный кодекс?

– Да, конечно. – Ее ответ был быстрым и уверенным.

Еще бы. Когда отец – юрист, это немудрено.

– Я говорю не о человеческом, а об Ином Кодексе.

– И его, конечно, но... – В ее мыслях царил сумбур, и она действительно не понимала, к чему он клонит.

– Статья шестьдесят первая, пункт семь Уголовного кодекса демонов правящей семьи.

– А у них свой, что ли?

– Общий, но с существенными поправками. – Его тон до сих пор был сухим и недовольным, но во взгляде уже проскальзывало снисхождение. – Они касаются неприкосновенности членов монаршей семьи. Если еще короче – твое наказание исключает смертную казнь. Мало того – твои прегрешения в сумме не тянут на смертную казнь, даже если бы ты не была принцессой.

Но... Мой взгляд остановился на лежащих на столе бумагах. Я снова ничего не понимала.

– Ты мне солгал?

– В чем именно?

Я была абсолютно уверена, что он уже все услышал из моих мыслей, но почему-то решил не облегчать мою участь, а ждал, пока я уточню сама. Что за издевательство?!

– Ты меня не убьешь?

– Нет.

Он сказал это так спокойно, словно это было само собой разумеющимся. А на меня нахлынула обида. Глупая, детская, но яркая и сокрушительная. Обманул! Зачем он меня обманул?

– Я не обманывал. – С легкостью удержав меня на коленях и не позволив встать, Кирилл перехватил мои руки и крепко прижал их к бокам. – Тихо, прекрати. Если ты потрудишься вспомнить наш первый разговор, то я не говорил, что убью. Я всего лишь сказал, что мне нужна одна из твоих эмоций – счастье. Думаю, ты уже поняла – я умею пить эмоции выборочно, причем не убивая. Это может любой маршал. А теперь успокойся.

Гневно сузив глаза, я думала. Я мысленно вопила так громко, как только могла. Я желала затопить его своими эмоциями! Чтоб он подавился! Сволочь!

– Да, многие так считают... – Чуть поморщившись, он не торопился отпустить мои руки, не без оснований подозревая, что я воспользуюсь ногтями по назначению. – Анна, я уже устал от твоего гнева, прекращай.

«Устал? Так выпей!»

– Не хочу. Поверь, он невкусный. – В его голосе явно обозначилось раздражение, а глаза недовольно сузились. – Твое высочество, хватит вести себя, как избалованная папенькина дочка. Раз уж тебе хватило наглости рыться в моих бумагах, так найди в себе силы, чтобы смириться с суровой реальностью и приговором. Он же звучит следующим образом – за все твои прегрешения и правонарушения ты приговариваешься к проживанию в моем доме до тех пор, пока в тебе не возникнет нужная мне эмоция. Кроме того, ты не вправе покидать этот дом и оставлять меня, пока объем и ценность изъятых эмоций в совокупности не сравняются с объемом правонарушений.

Бред... Какой же бред он несет... Да он просто эгоистичный псих! Вырвавшись из его захвата, я от души залепила ему пощечину, от которой тут же отнялась рука, и вскочила с его колен, прекрасно понимая, что на этом наше мирное сосуществование закончилось. Я больше не хорошая девочка! Хватит!

Ну вот. А все так хорошо начиналось...

Задумчиво проследив, как взбешенная и одновременно невероятно обиженная на него Анна выскочила за дверь, от души ею хлопнув, маршал лишь усмехнулся. Эмоции принцессы

зашкаливали, а уж их сила и качество – подавно. Можно, конечно, продолжать идти этим путем, но это не то, что он хочет. Такой взрыв можно вызвать однократно, чтобы устроить качественную встряску, но если создавать подобные ситуации ежедневно, то это разрушает.

Нет, разрушить он ее не хочет.

Прикоснувшись самыми кончиками пальцев к обожженной щеке, Кирилл поморщился, а затем отправился к секретеру, чтобы выудить из его недр аптечку, и старательно обработал антисептиком «ранение», а потом смазал ожог регенерирующей мазью.

Огненная демоница в гневе – это вам не шутка.

Щенок или котенок? Что ей понравится больше?

Вернувшись за стол и выудив из верхнего ящика ноутбук, чтобы определиться с выбором, уже через десять минут Кирилл звонил по одному из многочисленных номеров контор, занимающихся выполнением его порой весьма специфичных запросов.

– Николай, приветствую. Да, щенок. Нет, маленький, пушистый, белоснежный. Ласковый. Да, заберу сам. Когда? Отлично. Благодарю.

Завершив разговор, демон откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, пытаясь определить, где сейчас Анна. Наверху... Прекрасно. Значит, он в ней не ошибся – обида и гнев не то, что может толкнуть ее на долгосрочные безумства, лишь на кратковременные.

Эх, девочка... И почему ты такая... Такая!

Выскочив за дверь, в себя я пришла лишь наверху, причем уже тогда, когда забегала в его спальню. Почему-то я была уверена, что он за мной гонится. Господи!

Нервно обернувшись и в любую секунду ожидая погони, я отошла подальше от двери, к окну. Минута... Вторая... С нервно стучащим сердцем сползла по стеночке прямо на пол, обхватила колени руками. Сейчас до меня в полном объеме дошел смысл содеянного. Я его ударила. Да-а-а...

А он меня – нет.

И судя по тому, что я до сих пор одна, он даже не потрудился отправиться следом. Мотнув головой, потеряла лоб кончиками пальцев. Не понимаю. Ничего не понимаю. Чем дальше, тем больше. Ладно, признаю, он действительно не говорил, что убьет. Он говорил о смерти, но несколько расплывчато. Он обещал, что я умру, но позже. Он говорил, что ему нужно мое счастье, чтобы его съесть. Да, это было.

Но ведь он даже не подумал переубедить меня в том, что это не смертельно, как была уверена я! И судя по тому, что он сейчас сказал, я конечно же умру, но не от его действий, а может быть, вообще от старости!

Идиотизм!

Вспылив снова, я стукнула кулаком по полу. Что за бредовые игры? Что за издевательство? И что, черт возьми, значат его последние слова? В чем измеряется объем выпитых эмоций? Кто будет решать, достаточно он их из меня высосал или нет? Господи, что за сюрреализм?

Мотнув головой снова, поняла, что больше не могу сидеть. Тело требовало выплеснуть энергию, но мозг не понимал как. Вскочила и стала мерить комнату шагами. Десять туда, десять обратно. Мысли снова не желали выстраивать хоть какую-нибудь логическую цепочку, и в итоге я просто решила начать с малого. С фактов.

Он меня не убьет. Это факт. Это он озвучил сам, а значит, это неопровержимо. Следовательно... Старательно перебирая в памяти всего его вчерашние и сегодняшние слова

и действия, кое-как сделала выводы. Может, не совсем верные, но тем не менее. Мое наказание – это всего лишь выпитое счастье. Правильно? Правильно. Кроме того, он озвучил неведомый мне «объем», выпив который он отпустит меня...

Стоп. Отпустит ли?

Он сказал, что я не вправе покидать дом и его самого, пока не искуплю свою вину нужным объемом. Если мыслить логически, то, как только объем будет выпит, я стану свободной. Вот только за эти сутки я успела понять, что моя и его логика – это абсолютно разные вещи. Мне необходим его четкий ответ на вопрос: что со мной будет, когда условия выполнятся.

Решено. Замерев у окна и невидящим взглядом уставившись на мокрое стекло, я чуть поморщилась. Дождь, начавшийся вчера, заканчиваться не торопился и, судя по всем моим внутренним прогнозам, продлится еще дня два. Никогда не любила дождь.

Вот только как теперь общаться? После того, как я его... Прикрыв глаза, я поджала губы. За мою недолгую, но насыщенную событиями жизнь это была вторая пощечина. Первая была за дело, как, впрочем, и эта. Да уж... Вот только тогда в клубе я ни секунды не жалела, после добавив кулаком и коленом. Да и от отдыхающих рядом ребят тому негодяю прилетело. Он был пьян и, если бы я не сумела дать ему отпор, изнасиловал бы меня. Тогда я отходила долго, не в силах понять, как мог мой хороший знакомый оказаться такой мразью.

В тот раз я сказала об этом отцу. Пришлось, когда он увидел поутру на моих запястьях синяки. После этого Артема больше никто не видел, а я никогда не задавала отцу вопрос, что он с ним сделал. Подозревала, конечно... Но если бы кто-то посмел поднять руку на него или маму, я бы без раздумий уничтожила эту падаль лично.

Сейчас же... Мало того что мне необходимо извиниться перед Кириллом за свои действия, так еще и предстоит как-то пережить неопределенное время, пока я не искуплю свою вину и не стану счастливой, а после – так и вовсе свободной.

А затем... Губы сжались в тонкую, решительную линию. Затем все виновные в гибели родителей сдохнут!

– Не советую.

Вздвогнув, когда от двери раздался его недовольный моими мыслями совет, я не обернулась. Лишь упрямо вздернула подбородок и крепче обняла себя руками.

А ведь я хотела извиниться...

– Прощаю. Но впредь не рекомендую.

С чего это мы такие добрые?

Недоверчиво оглянувшись через плечо, я вздрогнула снова – он стоял всего в нескольких сантиметрах от меня. И нравится ему меня подобным образом нервировать?

– Есть немного.

Позер.

– Время обеда.

Уже?

Обернувшись окончательно, я не смогла стоять так близко и сделала шаг назад, тут же упершись спиной в окно. И тут мой взгляд остановился на его левой щеке... О-о-о...

– Да, это от пощечины.

Нахмурившись, я не поверила, хотя факты были налицо, точнее, на лице. На его лице. Красный отпечаток ожога, оставленный моей ладонью, был таким четким, словно нарисованным. Но этого не может быть! Не могло быть!

– Почему ты так в этом уверена? Ты ведь демон. Огненный демон. – Снисходительно усмехнувшись, он взял мою правую руку и поднял так, чтобы я видела свои пальцы. – Забыла?

Нет, не забыла. Но была уверена, что это больше невозможно.

– Эмоции – очень серьезная вещь, – ответив несколько туманно, Кирилл шагнул назад, а затем и вовсе потянул меня за собой к выходу, так и не выпустив руку. – Идем, пообедаем и кое-куда съездим. Обиды обидами, но плана следует придерживаться.

«Плана? Чьего плана?»

– Моего плана. – Не замедляя шага, Кирилл привел меня в столовую.

Обедали мы молча. Я стеснялась задавать крутившиеся в голове многочисленные вопросы вслух, а на мои мысленные он не отвечал, успешно изображая абсолютную глухоту.

Ну и ладно!

– А теперь будь лапой, сбегай наверх и почишь зубы.

Удивленно вскинувшись на задумчивого Кирилла, продолжающего пить свой чай, в то время как я уже поставила свою пустую кружку на стол, я удивилась не только просьбе, но обращению. Лапа? Я?

– Конечно. А что такое? Хочешь, буду называть тебя Анечкой? Милой? Солнышком? Зайкой, рыбкой, пупсиком? – Его голос был невероятно серьезен, а глаза улыбались.

«Придурок».

– Это еще почему? – Удивившись, он даже отставил кружку и требовательно приподнял бровь. – Анна, потрудись не хамить. Заметь: я веду себя корректно.

Вслух – да. А вот что в мыслях?

– О, этого тебе лучше не знать. – Прикрыв глаза, Кирилл улыбнулся так многозначительно, что я признала: да, лучше мне этого не знать. – Умничка, верно мыслишь. А теперь наверх – чистить зубы. И чтобы ты успокоилась и не мучила себя догадками, объясню – мы поедем в клинику посмотреть твои связки. Не тyani, у нас назначено на два. И не забудь сменить тапочки на туфли.

О?

Поездка в клинику, конечно, оказалась неожиданностью, но, похоже, удивить меня теперь было уже сложно. Я послушно отправилась наверх. А ведь сейчас он делает все для того, чтобы как можно скорее привести меня в нормальное состояние... Вроде как.

Только ли для того, чтобы я стала счастливой и он насладился этой эмоцией сполна? Или у него имеются и иные, пока не озвученные мотивы?

Почему нет? С ним уже ни в чем нельзя быть уверенной. И я до сих пор не услышала ответа на самый главный вопрос – отпустит ли он меня, когда наказание свершится?

С такими мыслями я и спустилась к ждущему меня у нижней ступени лестницы Кириллу, когда закончила все дела наверху.

– Все будет зависеть от тебя и только от тебя. Если ты и дальше продолжишь вынашивать планы мести, то, естественно, я никуда тебя не отпущу. Маршалы не только карают, но и пресекают преступления.

«И как? Я буду жить здесь вечно, что ли?»

– Я же сказал: все зависит от тебя... – Ответив уклончиво и жестом предложив мне следовать по коридору в сторону гаража, Кирилл не поддавался на мои мысленные требования ответить нормально.

Да что за издевательство?! Я кто для него? Игрушка?! Развлечение?

Видимо, мои мысленные вопли достигли апогея, и его терпение лопнуло. Когда мы вошли в гараж, он резко остановился, обернулся и раздраженно процедил:

– Ты забываешься, Анна. Ты преступница. Воровка. Мошенница. А я твой судья и твоё наказание. Запомни это хорошенько. Садись в машину.

То есть вот так, да?

Не испугавшись, я лишь сильнее поджала губы и, смерив его гневным взглядом, без лишних возражений села в машину, когда он открыл передо мной заднюю дверь.

Спасибо за напоминание, зайчонок. Похоже, торчать тут мне придется долго.

Принципиально отвернувшись к окну, я отрешилась от внешнего мира, замкнувшись в себе и предоставив ему возможность делать с наказуемой преступницей все, что заблагорассудится. Может, я и не великий психолог и ни черта не смыслю в психологии маршалов, но кое-кто действительно заигрался и не видит берегов. Пускай мои мысли больше не только мои и пускай я преступница, но от этого я не перестала быть личностью. А как личность я против подобного унижительного обращения!

Изредка поглядывая в зеркало заднего вида (хотелось не только слышать ее мысли, отчего-то ставшие невероятно тихими и редкими, но и видеть лицо), Кирилл хмурился. Даже немного злился. На себя.

Вспылил, с кем не бывает... Но слишком уж она вызывающе думала! Что за глупые претензии? Что за наглые требования? Он имел полное право поставить ее на место, указав ей реальные причины подобного обращения. Только почему сейчас он тревожится о том, как это исправить? Дерьмо!

Так, в первую очередь – голос. Во вторую – щит на ее мысли. Утомляет. Выполнять.

Мы ехали долго, наверное, минут тридцать, и за это время я смогла додуматься только до того, что мне срочно нужен щит на мысли. Хотя бы на самые личные, не до жиру. Достал. Невозможно уединиться, невозможно сделать ничего личного, невозможно, в конце концов, предаться мечтам о мести! О да-а-а...

Его усилия принесли свои плоды – я начала думать не о том, как умереть, а о том, как отомстить, хоть он и запретил это. Я отомщу убийцам любой ценой. Даже ценой собственной жизни.

Задумчиво рассматривая мокрое стекло, по которому неустанно барабанили капли дождя, я старательно вспоминала все, что слышала о папиной родне. К сожалению, знала я не очень много. Раньше мне это не надо было, да и жили они в другой стране, аж за океаном, и я следила за ними только по светским хроникам, потому что это было необходимо по иным, не связанным с семьей причинам. Отец никогда и ни о ком из родных не вспоминал с теплотой, предпочитая отшучиваться и заявлять, что в его жизни есть мы, и это бесценно. Сама я пыталась наводить справки лет пять назад, но после того, как один из моих информаторов (естественно, не знавший, кем является мой отец и кто на самом деле я сама), предоставил мне аж три папки с компроматом всего лишь на младшую тетюшку и ее супруга, то я поняла, что в чем-то папа был прав.

Обычно говорят: не без паршивой овцы в семье, я же для себя поняла иное – не без любимого папы в паршивой семье. И плюнула. Они не хотели знать нас, а нам было чихать на них.

До последнего времени...

Нет, не думай. Не смей! Не удержавшись, я, как ни пыталась сдержаться, всхлипнула. Чертовы нервы!

Неожиданно резко потемнело, и я не сразу поняла, что мы въехали на подземную стоянку. Приехали?

– Приехали. Возьми. – Кирилл заглушил мотор и, обернувшись, протянул мне платок. Большой хлопковый носовой платок...

Ну, спасибо, что ли...

Старательно вытирая слезы, я предпочла не смотреть на Кирилла, когда он вышел и открыл мне дверь, но все равно дернулась от неожиданности, когда он, вместо того чтобы отодвинуться и позволить мне выйти, подал руку, а затем и вовсе прижал к себе, когда я все-таки вышла.

– Замри.

«Зачем?»

– Затем, – грубо ответив, Кирилл зло прищурился и недовольно добавил: – Помолчи, а? Хотя бы пару минут.

На этот раз он не брал мое лицо в ладони, но я сразу поняла, что он снова пьет мои эмоции – одна его ладонь лежала на моем затылке, и пальцы зарылись в волосы, растрепав косу, а вторая лежала на талии, но при этом я прекрасно чувствовала жжение даже сквозь ткань.

И снова, как и в первый раз, мне было больно. Очень больно.

Но теперь я знала, что он делает, и, зажмурившись, стиснула зубы и терпела.

Опять, как и в первый раз, боль оборвалась на пике. Просто треснуло что-то... и пропало.

– Спасибо... – прошептав, потому что боль потери и горечь утраты ушли далеко-далеко, я открыла глаза и робко улыбнулась, действительно в этот момент чувствуя благодарность.

И самую капельку удивления. Никто и никогда не упоминал, что маршалы не только убивали, подчистую выпивая эмоции жертвы, но и помогали, изымая лишь то, что мешало жить.

– Это секрет, – едва обозначив улыбку, Кирилл сурово закончил: – И ты о нем никому не скажешь.

Не скажу. Я не дура. Даже если ты считаешь иначе.

После того как Кирилл снова проявил слегка непонятное мне благородство, он взял меня за руку, и мы отправились к лифту. Поднялись из подземной стоянки на первый этаж и оказались в большом, богато обставленном холле, судя по всему, той самой клиники, где осматривают меня и мои голосовые связки.

До сегодняшнего дня я о лечении старалась не думать, предпочла отложить эту проблему на потом, потому что с некоторых пор недолюбливала врачей и медицинские учреждения в целом.

В детстве я никогда не болела, сказывались сильные гены родителей, в юности чаша сия тоже меня миновала, и все мои посещения лечебных учреждений сводились к нескольким медосмотрам. Да один раз я навещала в больнице приятеля, которому не повезло сломать ногу в трех местах. При каких обстоятельствах он ее сломал, лучше, конечно, умолчать, потому что они были слегка незаконными – парень сорвался с крыши, когда уходил после удачно завершённого «дела».

Пока я без особой приязни рассматривала бирюзовые стены и многочисленные цветы в больших вазах, Кирилл подвел меня к стойке регистратуры. Стоило молоденькой медработнице, одетой в строгий голубой костюмчик, нас увидеть, как она тут же напряглась и нервно улыбнулась.

Вот только не успела она открыть рот, как мой спутник с усмешкой кивнул:

– Спасибо за информацию, обувь у нас чистая, обойдемся без бахил. Кабинет двадцать один, Иван Михайлович. Верно? Сообщите врачу о нашем приходе.

– Д... Да... – начав с перепугу заикаться, так как, судя по всему, знала, кто стоит перед ней, девушка суетливо набрала внутренний номер и срывающимся голосом пролепетала: – Иван Михайлович, к вам посетители. Записаны на два часа... Да, уже. Хорошо. – Положив трубку, она вновь насторожено посмотрела на маршала и вдруг сочно покраснела.

И о чем же таком эта дуручка умудрилась подумать?

– Поверь, тебе это неинтересно, – усмехнувшись медсестре, но ответив мне, Кирилл потянул меня в сторону коридора, не дожидаясь, пока Маргарита (имя было написано на бейджике) окончательно впадет в ступор.

«Фу, как невежливо! Мог бы и промолчать. Для нее же день закончен после твоего посещения, да еще и таких намеков не пойми на что».

– А меня это должно волновать? – чуть озадачив меня своим плохим настроением, Кирилл недовольно скривил губы. – Не удивляйся, в этом виновата именно ты. Та эмоция, которую мы пьем, в ближайшие несколько минут после «процедуры» становится основой нашего психологического состояния.

«О-о-о... Как, однако, неудобно. А я думала, что пожиратели пьют эмоции, но при этом получают энергию. Разве нет?»

– Верно. Но для того, чтобы получить эту энергию, необходимо сначала ее переработать. Это занимает время. Поэтому мы предпочитаем пить приятные эмоции, чтобы лишней раз не испытывать дискомфорта. Так, нам сюда, проходи...

Вот так признания!

Но как связаны мое горе и его хамство?

– Ты бы предпочла, чтобы я разрыдался? – Открыв передо мной дверь, но при этом не

стесняясь продолжать личный разговор, Кирилл небрежно кивнул врачу, сидящему за своим рабочим столом у окна. – Добрый день, принимайте пациентку. Сирена, полукровка. Сорваны связки около трех недель назад. Потеряла обоих родителей в авиакатастрофе, кричала и рыдала несколько дней. Разговаривать может, но предпочтительнее шепотом. Из кабинета не выпускать, я отлучусь... – Буквально с порога вывалив на чрезвычайно внимательного врача всю подноготную, Кирилл довел меня до кушетки, предназначенной, судя по всему, именно для пациентов, и сурово обратился уже ко мне: – Из кабинета не выходить, выполнять все, что скажет врач. Отвечать на все вопросы максимально полно. Надеюсь на твое благоразумие.

Высказав это все, маршал стремительно покинул кабинет, я успела лишь нервно фыркнуть. Раскомандовался! Вообще-то я себе не враг, и если у меня появилась возможность вылечиться, причем за чужой счет, да еще и в дорогом медучреждении, то я никогда не откажусь и сделаю все, от меня зависящее.

Пару секунд посверлив ироничным взглядом дверь и высказав ей все, что думаю кое-ком сероглазом и деспотичном, я окончательно взяла себя в руки и повернулась к внимательно рассматривающему меня врачу.

Улыбнулась и приветливо прошептала:

– Здравствуйте, меня зовут Анна.

Иван Михайлович, кандидат медицинских наук и невероятно умелый специалист в сфере лучевой диагностики, оказался приветливым дядечкой примерно сорока пяти лет. Задавая грамотные и развернутые вопросы, он в кратчайшие сроки определился с величиной моего недуга, подробно записал каждый мой ответ, и спустя пятнадцать минут мы отправились сквозь межкомнатную перегородку во второй кабинет, где располагался мультиспиральный компьютерный томограф. Это сооружение состояло из двух частей: кушетки, куда мне предложили лечь и по возможности замереть, а также огромного бублика, стоящего на распорках, в отверстие которого потихоньку въезжал пациент и в котором происходили неведомые мне процессы.

Вообще, как вкратце объяснил мне словоохотливый Иван Михайлович, томограф будет просвечивать меня рентгеновскими лучами, а множество датчиков будут систематизировать и анализировать данные. В итоге на экране появится послойное 3D-изображение того органа, который исследуется. В моем случае – шея, потому что необходимо проверить не только связки, но и близлежащие ткани и их состояние.

Ой, да делайте что хотите...

Максимально расслабившись и отрешившись от ненужных мыслей, я снова переключилась на своего «домомучителя». Пока его не было, я хотела сполна окунуться в размышления о том, насколько кардинально изменилась моя жизнь и насколько она еще изменится из-за нелепого стечения обстоятельств.

Сейчас, когда он вновь выпил мое горе, я думала четко и ясно. И пока я это могу, необходимо додуматься до как можно большего.

Итак, первое. Щиты. Они мне необходимы. Я не собираюсь становиться безвольной куклой, в которую он решил поиграть. Причины, побудившие его на это, могут быть какими угодно, но факт остается фактом – Кирилл завел себе игрушку, которая может сделать его счастливым. Его, именно его. Ведь он сам признался – выпив мое счастье, какое-то время он будет испытывать именно эту эмоцию. Удивительно, конечно, что он выбрал такой

непростой и затратный способ, но сути это не меняет – я инструмент для достижения его цели.

Второе. Я практически уверена, что он добьется своего. Пускай не сразу и не самыми легкими путями, но добьется. О нем я слышала только это – «все ради цели». Но что дальше? Что он предпримет, когда окажется, что я не собираюсь становиться на путь праведный? Пускай я пока ущербна, но сегодняшняя пощечина показала, что яркие эмоции возвращают к жизни не только меня, но и мои способности. То ли еще будет...

Значит, решено. Не думаю о будущем, пока не восстановлю щиты и возможность строить планы втайне от него.

А о чем мне тогда думать?

– Анна, я закончил. Вставайте. – Подав руку, помогая мне подняться с кушетки, Иван Михайлович вместе со мной перебазировался к другому аппарату. Предложил мне присесть на стульчик и как можно шире открыть рот, чтобы произвести визуальный осмотр. Да не проблема!

Во время осмотра я перебирала в уме возможные варианты для размышления, которые могут увлечь меня настолько, что я не буду думать о главном. К сожалению, их было ничтожно мало. Есть я, есть он, есть месть. Все. О мести думать нельзя, о себе я и так все знаю, остается он. Опасно... Но выбора нет. Сумею ли? Сумею, слишком велика цена.

Решено.

Еще спустя некоторое время мы вернулись в первый кабинет за стол, где врач вновь начал усердно строчить в карточке пациента, то есть моей. В целом мне не было особо интересно, потому что все свои записи мужчина комментировал вслух, раздавая общие рекомендации по бережному обращению со связками: обильное теплое питье, минимум разговоров, максимум тепла в район шеи, ингаляция парами эфирных масел и полоскание отварами лечебных трав.

– Более полное лечение я назначу вам, как только мы обработаем результаты томографического исследования, что произойдет уже к вечеру. Я позвоню Кириллу Дмитриевичу лично и отправлю ему результаты в электронном виде, – с приятной улыбкой рассказав мне даже это, доктор закончил писать и закрыл карточку.

Дверь бесшумно открылась, и на ее пороге появился он, будущий предмет всех моих дум. Кстати, почему-то довольный...

– Вы закончили?

– Да. – Иван Михайлович жестом предложил демону присесть, но, когда тот отрицательно мотнул головой, так и оставшись в дверях, не стал настаивать. – Я уже рассказал все Анне, но повторю вновь: сейчас выполняете общие советы, результаты обследования будут вечером. Их и рекомендации по комплексному лечению я вам скину по электронной почте, ознакомьтесь. Кроме того, я бы порекомендовал вам обратиться и к окулисту...

– Спасибо, мы сейчас как раз туда.

«Да?»

– Да. – Кивнув уже мне, Кирилл скупно улыбнулся врачу и поблагодарил, попутно указав мне рукой на выход. В коридоре же меня снова взяли за руку, и мы отправились к лифту, чтобы подняться на третий этаж.

В кабинете номер триста семь нас снова ждали, но на этот раз осмотр завершился в более короткие сроки. Мне выписали капли для глаз и максимальный покой – никакого

яркого света, никакого телевизора или компьютера, никаких книг.

«С ума сошли?! И чем я буду заниматься?»

– Уверен, я найду, чем тебя занять... – Мы уже ехали на лифте вниз, когда маршал решил снова поиграть в интригана. – Кстати...

Что это?

Настороженно рассматривая крохотный глиняный кулон на кожаном шнурке, который демон без предупреждения надел мне на шею, а после заправил за ворот, попутно (типа, я не заметила) погладив грудь, я требовательно заглянула ему в глаза, прося объясниться.

Он же, зачем-то прижав мою спину к стене лифта и при этом давя на плечи, в свою очередь что-то внимательно выискивал в моих глазах. Что? Что ты делаешь, черт возьми?!

– Превосходно. – Лифт распахнул створки, и Кирилл потянул меня к машине, наконец соизволив раскрыть тайну своих загадочных действий: – Это глушитель. Позволяет мне абстрагироваться от твоих мыслей и эмоций и не слышать их постоянно. То есть я услышу их только тогда, когда сам захочу.

Ага... То есть о себе в первую очередь подумал, да? А обо мне? Где мне взять такую крайне удобную штучку? Но уже не глушитель, а полноценный щит?

Увы-увы... Видимо, он действительно активировал сей предмет, и мои недовольные пытания остались без ответа. Ла-а-адно...

Ой, что это? Когда он открыл дверь, я безропотно села в машину, но стоило дверце захлопнуться, как мое внимание тут же оказалось приковано к небольшой переноске, стоящей на соседнем сиденье. Точнее – кто это?

Любопытство всегда было моим спутником и теперь явило себя во всей красе – я нагнулась и попыталась высмотреть в полумраке автомобиля содержимое переноски, но получалось плохо. Отчетливо распознав дыхание маленького животного, к тому моменту, как Кирилл обошел машину и сел за руль, я уже открыла замок и сунула в переноску свой любопытный нос.

– А если бы там был крокодил? – Заметив, что я лезу туда, куда не разрешали, Кирилл отчего-то не стал злиться, добродушно усмехнувшись на мое скептическое хмыканье. – Ладно, не ехидничай. Это тебе.

Уж не знаю, слышал ли он в этот момент мои мысли или понял все по обескураженному выражению лица, но Кирилл улыбнулся еще шире:

– Ты не ослышалась. Я дарю тебе щенка. Это девочка. Померанский шпиц. Ей два месяца. С тебя – имя и уход. Инструкция прилагается.

Вот тут я поняла, что никогда не познаю и не пойму этого демона до конца. Я мечтала о собаке лет с пяти...

– Спасибо...

Эта искренняя благодарность, которая прозвучала не только в ее голосе, но и отразилась в ее глазах и душе, была такой сладкой... Она искупила все ее мысли за последние сутки. Черт побери, оно того стоило!

Собачку я вынула из переноски сразу же, как только в полной мере осознала, что это все для меня. Для меня! Только для меня! О господи... Какая прелесть! Белоснежный меховой комочек казался не больше моей ладони. У собачки были невероятно умные черные глазки и мокрый носик-пуговка, тоже черного цвета. Снежка. Эта милаха будет Снежкой.

Устроив щенка на коленях и поглаживая его за ушком, я не переставала умиляться.

Пушистая Снежка была очень игривой, но при этом такой смешной! Всю дорогу до дома мы занимались тем, что она пыталась поймать мои пальцы и попробовать их на зуб, а я фыркала и улыбалась.

И лишь когда мы въехали в гараж и Кирилл открыл мою дверь, я поняла, что мы приехали. Подхватила щенка под пузико, крепко прижала к себе и вышла.

Почему-то стало немного неловко, особенно когда демон открыл багажник и вынул из его недр несколько пакетов, в которых явно были новые вещи. Направившись в сторону коридора, он пояснял на ходу:

– Кое-что из вещей для тебя, обувь, лекарства и подстилка – для Снежки. Идем, мне сегодня еще нужно поработать.

– Идем...

Мысленно настроившись на позитив и благодарность, хотя сейчас он мог их не слышать, я была действительно весьма удивлена подобному подарку. Неужели это только потому, что он решил меня баловать и Снежка – часть плана?

Наверное, это должно было меня расстроить, но вместо этого я была весьма заинтригована. А что еще в его плане имеется?

– А что хочешь? – Мы успели дойти до лестницы, и он остановился и обернулся очень неожиданно, так что я едва не уткнулась носом в его грудь.

Снежка же радостно твякнула и воодушевленно завиляла хвостом.

Эм... Да вроде пока ничего...

– Прекрасно, тогда идите наверх, я сейчас подойду. – Вручив большинство покупок служанке, которая, судя по всему, отвечала за второй этаж, Кирилл направился к кабинету, а нам со Снежкой пришлось следовать за прислугой, которая уносила наверх купленные демоном вещи.

– Мне разобрать пакеты или вы сами? – не став проходить в спальню, сразу уточнила служанка, как только мы прошли в гостиную.

– Сама... – Мой шепот был тихим, но уверенным, и она понятливо кивнула, устроив пакеты на диванчике и тут же выйдя. – И что тут у нас? – Я опустилась на диванчик.

О-о-о... Это что за грязные намеки?

Не знаю, с чего мне так повезло, но первая же вынутая из пакета вещь оказалась комплектом нижнего белья. Очень красивым, но весьма эротичным. Точнее, комплектов я вытащила два. Один – с черным кружевом на жемчужно-розовом шелке, второй коралловый с белым кружевом. Не спорю, красиво. Очень красиво! Но неприлично же!

– Почему нет?

Чуть не выронив трусики, которые задумчиво вертела в руках, я недовольно поджала губы, когда в дверях показался тот, кто снова решил вывести меня из более или менее установившегося равновесия.

– Извини, я не планировал. Просто шел мимо, увидел, подумал, что тебе это очень подойдет. Не удержался, купил.

Угу. Мимо. Куда это ты шел мимо бутика с нижним бельем, которое стоит, как несбитый «Боинг»?

Недоверчиво фыркнув, я быстренько убрала белье обратно в пакет и занырнула в соседний. Там обнаружили две коробки с обувью. Миленько... А почему две?

– Почему бы и нет? Захочешь – бежевые, захочешь – голубые.

Действительно... Нет, мне сложно понять подобный расточительный подход. Мы с

родителями не нуждались в деньгах, но я никогда не покупала по две или три вещи одной модели.

– Вообще-то они разные. – По-моему, слегка оскорбившись, Кирилл сел на диван, и Снежка тут же поторопилась спрыгнуть с моих колен, чтобы обследовать соседние. – Так, не тяни. – Забрав из моих рук голубую балетку, которую я внимательно рассматривала, он подвинул мне следующие пакеты и сам же вынул из одного красивую, шоколадного цвета подстилку с бортиками, а из второго – книжку с яркой обложкой, на которой красовалась мохнатая красотулька. – Чтобы не было проблем, пожалуйста, внимательно изучи все о своей подопечной. Кормление, уход, выгул, воспитание. Я уже дал распоряжение, миски и еду ей подготовят, но первое время, пока она не привыкнет, тебе необходимо будет ее контролировать и показывать, где и что находится.

«А я сама знаю?»

– Узнаешь, сейчас пойдем на экскурсию. Дальше... – Подстилка легла на пол рядом с диваном. – Выгуливать необходимо три-четыре раза в день, шпицы очень подвижные собаки. Весь задний двор в твоём распоряжении, но ни шагу за ограду. Понятно?

«А то...»

– Ну, мало ли. – Иронично усмехнувшись, Кирилл наконец вручил мне книгу и Снежку, которой весьма понравились его колени. – А теперь давай на процедуры, Валентина уже должна была заварить травы.

«О том, кто такая Валентина, мне скажут?»

– Конечно. Это моя повариха. Кроме нас с тобой в доме находятся две служанки: Люси и Татьяна, повариха Валентина, а также разнорабочий Владимир. Он выполняет всю мужскую работу по дому, от сантехники до стрижки кустов. Идем, нас ждут на кухне.

«Как скажешь, зайчонок, как скажешь...»

Значит, «зайчонок»? Никак не прокомментировав подобное мысленное обращение, почему-то отдающее не ехидством, а легкой иронией, Кирилл не удержался и снова взял свою подопечную за руку, потому что именно так от нее поступал максимально допустимый объем эмоций, которые можно было собрать без болезненных ощущений для донора.

Что ж... А ему как ее теперь называть?

«Рыбка» или «солнышко» – банально. «Милая», «драгоценная»? Рано. «Карамелька», «мармеладка»? Косо глянув на безмятежно улыбающуюся Анну, он мысленно качнул головой. Нет, эта девочка точно не мармеладка, нет в ней той приторной сладости. Скорее, нечто с пикантной кислинкой или даже горчинкой. С той самой изюминкой, которая имелаась далеко не во всех, но если имелаась, то делала загадочной дивой даже серую мышку.

О, эта мышка далеко не такая серая, как показалось ему с первого взгляда.

Мышка-мальшка...

И все-таки как тебя называть без вреда для здоровья?

Первым делом, как Кирилл и предупредил, мы отправились на кухню, которая располагалась на первом этаже и была большой, светлой и оборудованной по последнему слову техники. Там мы обнаружили милостивую улыбчивую женщину лет пятидесяти, которая представилась Валентиной и без лишней суеты вручила мне кружку с травяным отваром, взамен изъяв у меня Снежку и поставив ее четко у мисок, в одной из которых была вода, а в другой – сухой корм.

– Первым делом полоскание, затем ингаляции, а после можно и чайку с коньяком. – Пока женщина рассказывала мне последовательность проведения процедур, Кирилл устроился в дальнем углу, где стоял чайный столик с двумя креслами.

Было сначала немного неловко, но я смирилась. Отвернулась ото всех, от души булькая отваром и сплевывая его в раковину. Судя по тому, что мне не предложили уединиться, меня планировали контролировать даже в этом. Да, пожалуйста!

«Извращенец...»

– Не соглашусь.

«Тьфу! Опять подслушиваем?»

– Не злись, это бессмысленно.

«Да уж поняла...»

– Закончила? Давай перейдем к ингаляции. – Жестом позвав меня к себе (пока я полоскала рот, он успел распаковать необычный агрегат), Кирилл дождался, когда я сяду в соседнее кресло, и вручил мне ингалятор, где уже плескался раствор.

Больше всего агрегат был похож на пластиковую герметичную пол-литровую банку с раструбом, который необходимо было приложить к губам и вдыхать через рот, а выдыхать через нос.

Без проблем.

Откинувшись на спинку и взяв ингалятор в одну руку, второй я благодарно приняла у Кирилла Снежку, которая решила вернуться ко мне на колени, но никак не могла самостоятельно запрыгнуть на кресло.

«Спасибо, зайчонок... Ты просто идеален».

Не удержавшись и усмехнувшись, Кирилл качнул головой, но не убрал свою руку с моего колена и вслух ничего не сказал. Вместо этого в его взгляде промелькнуло нечто такое, что моментально насторожило. Меня ждет новая коварная выходка, да?

«А вот нечего подслушивать мои мысли! И вообще, так нечестно – это односторонний эгоизм!»

– В чем? – На этот раз он не удержался и удивленно вздернул брови.

«В том, что ни одна моя мысль не остается без твоего участия и внимания, тогда как я о твоих намерениях не знаю ровным счетом ничего».

– Я тебе их уже озвучил. Ничего, кроме сказанного ранее.

«Ой ли?»

– Ты мне не веришь? – Кирилл попытался изобразить оскорбленную невинность, чем невероятно рассмешил. Демон-пожиратель и оскорбленная невинность? Я вас умоляю! – Ладно, уговорила. Не верь. – И, загадочно прищурившись, тихо добавил: – Ягодка...

«Ягодка? Какая именно?»

– Ежевика, например. Сочная, ароматная, сладкая, но порой с кислинкой. Как ты. Как ни странно, в ежевике больше полезных и лечебных свойств, чем в той же малине, поэтому она показана при различных заболеваниях... – Мужской взгляд отправился в путешествие по рюшам горловины, а голос стал тише и задумчивее. – Так что решено: будешь ежевичкой, ягодкой для здоровья. Моего здоровья. Анна, дышать не забывай, пожалуйста. Ближайшие пять минут дыши глубоко и ровно.

Будешь тут ровно дышать, после таких откровений! Кстати, а чем болеют демоны? Что не так со здоровьем у одного конкретного пожирателя? Не забывая дышать, я иронично приподняла бровь.

– Необходимость в стабильной подпитке положительными эмоциями. Не отвлекайся, дыши.

«Не отвлекайся? Когда твоя рука гладит мою коленку? Кстати, какого черта?!»

– Бука. – Хмыкнув, демон прекратил гладить, но руку не убрал, и ею тут же заинтересовалась Снежка, видно, подумав, что это все – для нее и ради нее.

Кирилл решил подыграть и начал дразнить ее пальцами, отчего щенок задорно лаял и прыгал по мне, как по батуту.

«Ну и кто тут маленький и кому на самом деле купили собаку?»

– Не жадничай.

Даже и не думала.

Не удержавшись, попыталась рассмеяться, но получился какой-то жуткий хриплый лай, так что я аж закашлялась и предпочла сдержаться, чтобы не пугать ни себя, ни Снежку. Кирилл, кстати, никак не прокомментировал, но я заметила, что он недовольно поморщился, а через пару минут протянул руку:

– Закончила? Давай сюда. Теперь чай... Печенье не предлагаю, так как неуместно. Радуйся: в чае коньяк, чтобы максимально разогреть и смягчить связки. – Благодарно кивнув Валентине, которая в два счета накрыла столик, Кирилл подвинул мне кружку с уже налитым чаем.

«А чему радоваться-то? Алкоголь мне нужен был вчера, сейчас он мне без надобности. Да и в чае он не в тех объемах, чтобы захмелеть. Так, лекарство, не более».

Иронично думая обо всем, я скользила взглядом по кухонной обстановке и неторопливо дегустировала обжигающе горячий чай, в котором был не только коньяк, но и, судя по запаху, что-то из трав и ягод.

– Верно, в чай добавлены листья малины, опять же в профилактических целях. Нравится?

«Очень. Передай мою благодарность Валентине».

– Обязательно, – кивнув мне, Кирилл не стал тянуть и тут же, повысив голос, окликнул повариху: – Валентина, Анне очень понравился твой чай. Просит передать спасибо.

– Пожалуйста. – Чуть смутившись, женщина всего на пару минут отвлеклась от готовки, а после вновь погрузилась в дела.

Я же вдруг подумала о том, чем мы займемся дальше. А ведь время – от силы часа четыре...

– Уже ближе к пяти. Выпила? Давай сюда. – Изъяв у меня кружку, словно я не могла поставить на столик ее сама, демон выудил меня из кресла и, приобняв за талию, повел к выходу из кухни. – Сейчас у нас по плану небольшая экскурсия, чтобы ты знала, где тебе предстоит жить.

«Жить. Неопределенное слово. Почему не договорил – сколько мне тут жить?»

– Потому что пока не знаю этого и сам. По моим прикидкам, как минимум месяц. Может, чуть меньше, может, намного больше... – Одарив меня многозначительным взглядом, демон кивнул: – Верно мыслишь. Ты здесь, пока не выздоровеешь и пока мною не будет выпит необходимый объем счастья. Ну и конечно же пока я не буду абсолютно уверен, что ты встала на путь исправления и больше не нарушишь закон.

«Наивный...»

Мысль возникла раньше, чем я успела ее подавить. Я тут же смущенно отвела взгляд. Кирилл иронично хмыкнул, но не прокомментировал, ведя меня в глубь коридора.

– Итак, ягодка, смотри. Здесь у меня кабинет, тут мы уже были. Дальше – библиотека с камином, там я люблю читать вечерами. Возвращаемся обратно и видим столовую, где мы с тобой обедали. Рядом находится гостиная для немногочисленных посетителей, которые бывают в этом доме очень редко. Остальные помещения первого этажа являются подсобными или комнатами для прислуги. Кухня, кладовки, прачечная и их спальни. – Указав в сторону коридора, который начинался за лестницей, Кирилл не повел меня туда, а предпочел открыть соседнюю с нами дверь. Я увидела лестницу, ведущую вниз. – Давай посетим цокольный этаж. Уверен, тебе понравится.

Неужели? И что там такого интересного, что мне понравится? С любопытством ожидая чего-нибудь эдакого, я увидела коридор и распахнутые настежь двери, за которыми был всего лишь спортзал, и слегка разочарованно выдохнула. Ну и что тут такого необычного? Я помню, вчера он уже упоминал, что регулярно занимается и что тренажеры именно на цокольном этаже.

– Идем дальше. – Не подав и вида, что недоволен моим скептицизмом, Кирилл провел меня сквозь большой зал, в котором было шесть разнообразных тренажеров и даже штанги с гирями. Галантно открыл следующую дверь...

– Ого!..

Я не удержалась от восхищенного возгласа вслух, потому что это и правда было очень необычно. Большая комната, не меньше чем шесть на десять метров, была отдана под огромный бассейн с подсветкой. Про него он тоже упоминал вчера, но увидеть такое я была не готова. Стеновые панели радовали глаз благородным оттенком красного дерева, а кушетки справа так и манили опробовать их на мягкость. Но что больше всего меня удивило, так это то, что вся стена напротив входа была занята панорамным окном, за которым виднелся очень ухоженный парк.

«Да-а-а... Но разве мы не на цокольном этаже?»

– Дом стоит на небольшом холме, и получается, что цокольный этаж – на одном уровне с выходом на задний двор. У меня не очень большой участок, всего около гектара, но вам со Снежкой для прогулок хватит.

Моментально вспомнив, что в гектаре – сто соток, а средние садовые участки – от пяти до десяти соток, я удивленно покачала головой. Кто-то и пять за счастье считает, а кому-то и сто «не очень много».

– У некоторых олигархов собственные острова под сотни гектаров, и им все мало, – иронично улыбнувшись, Кирилл махнул рукой налево. – Кстати, тут имеется и сауна. Вечером, часиков в девять, попаримся. Тебе необходимо прогреться как можно чаще, причем не только из-за связок.

«Да? Что-то я не слышала подобных рекомендаций от Ивана Михайловича».

С подозрением покосившись на безмятежного демона, в ответ увидела абсолютно честный взгляд.

– Это уже мои рекомендации как специалиста. Поверь, я знаю, о чем говорю. В бассейне плавать не заставляю, понимаю, что водная стихия не твое, но вот сауна будет тебе весьма полезна. Как, впрочем, и занятия спортом... Но это позже. – Кивнув своим мыслям, демон потянул меня обратно. – Внизу мы все осмотрели, теперь отправимся наверх...

Наверху, куда мы поднялись по все той же лестнице, Снежка запросилась на пол, и я без возражений ее отпустила.

И что бы вы подумали? Эта белоснежная красотка тут же сделала лужу! И смешно, и грешно. Умом понимаю, что это щенок, который не приучен к туалету и вообще просто не удержался, но почему-то стыдно, словно это я во всем виновата. Хорошо хоть не на ковер...

Сконфуженно поджав губы, я мысленно поинтересовалась у демона, который, недовольно сузив глаза, одним взглядом отчитывал радостно виляющую хвостом кнопку: «Кирилл, где тряпки?»

– Татьяна приберет, она уже в курсе, что дома щенок и в первое время возможны подобные конфузы.

«Татьяна? Но ведь...»

– Анна, ты здесь не в качестве уборщицы, пускай даже за своей собакой. По крайней мере, пока еще не начата дрессировка. Мои слуги получают за исполнение своих обязанностей деньги, и, поверь, немалые, – недовольно отчитав меня, Кирилл замер, к чему-то прислушиваясь, и крикнул в конец коридора: – Татьяна, подойди!

Спустя всего пару секунд из-за дальней двери показалась служанка, торопливо подошла и сразу поняла, что конкретно случилось.

– Сейчас, не переживайте. – Заверив, что лужица будет ликвидирована в кратчайшие сроки, она отправилась за тряпкой, а мы свернули в правый коридор.

– Налево не пойдем, там четыре гостевых спальни, и они нам не интересны. Здесь же ты тоже почти все видела... – Открыв мне ближайшую дверь, за которой оказался зимний сад под стеклянным куполом, он потянул меня дальше, небрежно уточнив: – В свободное от работы время я в основном читаю и выращиваю экзотические цветы, наш климат им не подходит. Мой отец родом с южного побережья Франции, из Марселя, и, наверное, это его гены порой гонят меня на юга...

Отстраненно улыбнувшись воспоминаниям, Кирилл дошел до конца оранжереи и остановился у стеклянной двери, по которой беззастенчиво барабанил надоедливый дождь. В солнечные дни через эту дверь наверняка можно выйти на небольшую террасу, расположенную на крыше первого этажа.

– Можно. Будет солнце – обязательно выйдем. – Не оборачиваясь ко мне, хотя до сих пор держал за руку, демон не торопился продолжать общение, судя по всему, уйдя в свои мысли.

Не торопилась и я забрасывать его вопросами, хотя эти полчаса раскрыли его с новой для меня стороны. Почему-то он вел себя со мной так, словно мы были как минимум приятелями. Рассказывал то, что для посторонних не предназначено, например, о своем отце. Много улыбался, даже, кажется, шутил. Опять же его слова о том, что убираются в этом доме лишь слуги, даже за Снежкой...

У нас никогда не было слуг, и по дому я всегда прибиралась сама. Мыла полы, посуду, устраивала генеральные уборки, когда в этом назревала необходимость... Не одна, конечно, с

мамой...

Черт!

– Ти-и-ихо...

Наверное, в этом был виноват дождь, но я снова не удержалась и всхлипнула. Я была невероятно благодарна Кириллу, что он практически весь день не позволял мне задумываться о моем горе, но сейчас, вспомнив о прошлом и, в частности, о маме, я опять почувствовала предательское пощипывание в носу и спазм в горле.

Я успела лишь всхлипнуть, когда он резко привлек меня к себе и крепко обнял, легонько поглаживая самыми кончиками пальцев вдоль позвоночника. Ничего не говорил, не иронизировал. Не ругался, а просто успокаивал и молча поддерживал.

Спасибо.

Вместо ответа он зачем-то поцеловал меня в скулу.

Дернувшись, ежевичка подняла к нему лицо и прожгла недовольным взглядом. Ну, что такое? Хочет же. Уж это он чувствует, как ничто иное.

– Не надо... – Шепот был обиженным, но одновременно с этим таким... неуверенным.

Да уж, загадочные создания женщины. В глазах одно, в душе – другое, в мыслях – третье, а вслух – четвертое. Ну и чему верить и чему следовать? А может, плюнуть и делать то, что хочется самому?

Моментально раздраженно вспыхнув, когда рассмотрела в его глазах решимость, а на ягодицах ощутила его пальцы, я недовольно прищурилась и прошипела вслух:

– Смотрю, ожог уже прошел? Обновить?

– Сказал бы, что ты играешь с огнем, но это будет двусмысленно. Это ведь ты у нас огненная девочка... – Не убирая рук, но и не делая что-либо еще, демон внимательно всматривался в мои глаза. – Не успел рассказать, но мы пьем эмоции и губами. В чем-то это сродни магии инкубов, но если они пьют подобным образом жизненную силу, причем лишь во время секса и поцелуем в губы, то я ловлю нужную эмоцию с кожи. С любого ее участка.

«Вот только давай ты не будешь мне заливать, что именно сейчас это было жизненно необходимо, и пальцев тебе недостаточно».

Я упрямо поджала губы, а он недовольно поморщился:

– Когда губами, донор не испытывает боли.

«И почему я не верю? И почему это кажется мне нелепой попыткой убедить меня в том, что...»

Не позволив мне додумать мысль, Кирилл раздраженно выдохнул и...

Э-э-эй! Я не успела ничего. Ни отстраниться, ни оказать сопротивление. Мои руки уже были в крепком захвате его пальцев, спина прижата к стеклу, а губы – во власти его губ. Это было возмутительно! Я ощущала себя припиленной к стеклу бабочкой.

«Маршал, а не кажется ли тебе, что твои действия противоправны?»

Пытаясь не думать о том, как он приятно пахнет и как горячи его губы, я возмущенно поджимала свои, не собираясь поддаваться на его умелые и, чего греха таить, приятные ласки. Он же, почти сразу осознав, что целовать в ответ я не стану, переключился с губ на щеки, скулы, виски, лоб, шею, декольте... Он плевал на мои гневные мысли и все продолжал и продолжал...

«Нет, я никогда его не пойму. Голодный, что ли? А кто мне заливал, что ел не так давно,

и ближайший смертник нужен ему не раньше чем через три недели?»

– Ягодка, ну почему просто не думать, а?! – Раздраженно отстранившись, видимо, потому, что поймал все мои последние мысли, Кирилл не торопился меня отпустить. – Я тебя не ем! И не пью!

– А что? – презрительно прошептала я. – Облизываешь?

– Да! – Всплыв на ровном месте, демон резко шагнул назад, освободив меня от захвата, а затем скрипнул зубами и процедил: – До ужина я буду в кабинете. Ужин в семь.

И ушел.

М-да... Не представляя, как реагировать на подобное поведение, которое пахло банальной обидой на то, что я высмеяла его попытку меня совратить, я сделала пару шагов в глубь оранжереи и села в одно из плетеных кресел, стоящих под раскидистой пальмой с неизвестным мне названием. Снежка тут же звонко залаяла, привлекая мое внимание, и я нагнулась, чтобы взять ее на руки. Да, девочка, кажется, нам с этим демоном будет сложно ужиться. А может, плюнуть на все и стать его любовницей, если ему так хочется? Ему ведь хочется, уж это мне хватает ума понять.

А хочется ли этого мне?

Серьезно задумавшись над этим непростым вопросом, я понимала, что нестандартная ситуация требует нестандартных решений. Кирилл был о-о-очень нестандартен. И, черт возьми, он знал, что делать, меня к нему практически неуловимо, но уже влекло! И он это чувствовал.

Прищурившись, я невидящим взглядом рассматривала неизвестный куст напротив и автоматически гладила и теребила Снежку, которая игриво прикусывала мои пальцы.

И думала. Есть ли смысл сдаться и не париться по поводу ближайшего будущего? Или лучше держать оборону до последнего и игнорировать его явные попытки к сближению? Как все мутно...

Я не понимаю его мотивов. То он хочет сделать меня счастливой, причем непонятно почему, то заявляет, что я его пленница, к тому же, с учетом реальных фактов, чуть ли не пожизненная. И, думаю, он не тешит себя пустыми иллюзиями, что я просто так забуду о гибели родителей и спущу все это на тормозах. Никогда!

А значит, его заявление, что я буду жить у него, пока не оставлю своих кровожадных планов, равноценно признанию, что я буду жить здесь до конца своих дней. Смысл? Только ли в том, что он может безнаказанно ко мне прикасаться и тем самым питаться чуть ли не круглосуточно, да еще и не самыми плохими эмоциями? Звучит, кстати, вполне реально. Причем намного реальнее того предположения, что он вдруг ни с того ни с сего в меня влюбился. Я вас умоляю! Почти сорокалетний законник влюбился в двадцатитрехлетнюю воровку?

Бред.

Кстати, а я ведь не только воровка! Мысли резко переключились на те факты, которые стали известны буквально утром. Я принцесса. Я действительно принцесса.

Хм...

Неужели он хочет как-то этим воспользоваться? Но как? Жениться по расчету не в правилах маршалов, они считали себя выше этого, предпочитая создавать пару исключительно по любви. Какой-то у них был на этом пунктик, и сейчас я, кстати, догадывалась какой. Они ведь стопроцентные эмпаты, и чувства у них на первом месте.

Но тогда зачем я ему на самом деле? Мысли начали идти по кругу, и в итоге я поняла,

что мне катастрофически не хватает фактов, которые мне мог дать лишь один-единственный мужчина.

Кирилл. Кирюша. Зайчонок...

Вновь мысленно назвав его так, поняла, что ему это очень идет. Зайчонок Кирюша. Интересно, что бы он на это сказал, услышав подобное вслух, да еще и от «преступницы», как он соизволил выразиться? Кстати, я так и не узнала, каковы объемы необходимых ему эмоций. Нужно ли ему лапать меня круглосуточно или хватает моего присутствия? Как-то он нехорошо от меня это утаивает...

Наверняка специально, чтобы воспользоваться и лишний раз потрогать!

Подумав кощунственную мысль в отношении не кого-то там, а законника, хрипло хохотнула. Ну вот не ассоциировался он у меня в подобные моменты с законником! Все, что я видела, так это взрослого мужчину, который интересовался женщиной в том самом, плотском смысле.

Интересно, давно у него никого нет? Он, кажется, что-то говорил о своей неуживчивости и деспотизме... Впору пожалеть бедолагу.

Усмехнувшись, поняла, что такими темпами скоро додумаюсь до того, чтобы действительно поддаться своим низменным инстинктам и, наплевав на последствия, не мешать ему делать все, что ему так хотелось. По телу прошла волнующая дрожь, я прикрыла глаза и закусила губу. Заманчиво... Но глупо.

Нет, это не мой вариант, и ни к чему хорошему он не приведет. Кирилл поймет и услышит все мои мысли и ладно если просто этим воспользуется. Намного хуже будет, если он повернет их против меня же, решив устроить мне очередную встряску или что-нибудь в этом духе.

Нет, пусть уж лучше кормится и балует, хватит с него и этого. На мужчину моей мечты он не тянет, а тратить время и нервы на того, кто с легкостью способен сломать все мои грандиозные планы, не в моих интересах. Нет уж! С него лечение, счастье и наказание. И хватит!

Кстати, который час?

Глава 8

Слабо ориентируясь во времени, потому что солнца видно не было, лишь серая хмарь за стеклом, я поудобнее перехватила Снежку и отправилась вниз. По дороге заглянула в столовую, но накрытого стола не обнаружила и поняла, что для ужина еще не время.

В кабинет меня совершенно не тянуло, а так как запрета на перемещение по дому не было, я предпочла сунуть нос в библиотеку, чтобы в полной мере оценить ее масштаб. Вообще я не просто так пошла работать библиотекарем – с малых лет я изучала мир по книгам и ничуть об этом не жалела. Конечно, мы с родителями немало путешествовали, но вымышленный мир порой оказывался намного более реальным, чем реальный. Его герои были действительно Героями, с большой буквы. Умными, честными, порядочными и благородными. Его героини всегда отличались добротой и сообразительностью. И сам этот мир был таким красочным и волшебным. Наверное, я так и не выросла...

Опустив любопытную Снежку на пол, я неторопливо брела вдоль многочисленных стеллажей, внимательно изучая корешки. Удивительно... Невероятно древние книги! Некоторые так и вовсе раритетные!

Взгляд остановился на собрании сочинений Жюль Верна, и я аккуратно взяла первую книгу, которая оказалась датирована аж тысяча восемьсот девяностым годом. Очуметь...

Мои глаза округлились сами собой! Я даже представить не смогла, сколько может стоить подобная книга. Да ведь это ручная работа! Переплет из натуральной кожи, а на лицевой стороне – серебряный медальон с профилем автора! А внутри... Внутри – дарственная надпись от самого автора! Я держу в руках целое состояние! А всего тут... Задумчиво подняв голову, автоматически посчитала. Собрание сочинений? Недурно...

[Купить полную версию книги](#)